

Наталья Кочнева

Игрок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67611369

SelfPub; 2022

Аннотация

Социальные сети – средства общения или крючок манипулятора? Предать свои принципы и нырнуть в неизвестность или сохранить себя, не растворяясь в чужом? Как отличить человека от зомби – небольшой роман о влюбленности в современном мире.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1	4
Красноярск, Россия	6
Дома	8
Часть 2	44
Санкт-Петербург, Россия	44
Дома	52
Гаага, Нидерланды	58
Часть 3	60
Дома	60
Олессун, Норвегия	65
Дома	68
Юрмала, Латвия	76
Дома	78
Калининград, Россия	85
Часть 4	87
Дома	87
Прага, Чехия	102
Дома	104
Часть 5	107
Санкт-Петербург, Россия	107
Дома	119
Ялта, Украина	127
Дома	128

Наталья Кочнева

Игрок

Часть 1

Гостиница. Такие есть в любом городе. Двухместная кровать, какое-то нелепое покрывало сверху, выключенный телевизор, белые занавески, прячущие балкон. Окно, скрывающее осень. Ленивый кондиционер, который в это время года никому не нужен. Стол и два просиженных кресла. Над кроватью картина. Сюрреализм. Силуэт человека, очень тонкий, вокруг невнятный синий круг. Чем-то напоминает «Крик» Мунка. Но это очень дешевая картина, какие сотнями продают на любой пешеходной улице любого города в любой стране. На кресле валяется серый рюкзак. Он, в одежде и кедах, лежит, распластавшись на кровати. Не снял даже потертую кепку. В одежде жарко, черный вязаный свитер прилип к телу от пота. Но встать и раздеться нет сил. На джинсах дурацкий брелок в виде компаса. В руке пистолет. Он не знает ни калибра, ни марки, он вообще не разбирается в оружии. Пистолет серебристый, ледяной, сильный. Он прикладывает дуло к виску, всего одно нажатие... Как в замедленном сне: пуля разрывает кожу, проникает внутрь, кровавое месиво оказывается на мониторе телевизора. Наконец-то он

избавился от суетящихся мыслей, от этого безумства в голове...

Красноярск, Россия

Аэропорт, около четырех утра. Рейс задерживают. Он в командировке. Сейчас направляется во Владивосток. Позади Омск, Питер, Тюмень, Майкоп, Краснодар и что-то еще. Впереди, кроме Владивостока, Сочи, Нижневартовск и ЮАР. Это четвертый перелет за пять дней. Вся его жизнь – нескончаемая смесь из городов, гостиниц и работы. Он любит свою работу, которая предоставляет море возможностей. Он видел, как бьется человеческое сердце, знает, как устроен черный чемоданчик президента, бывал в закрытых лабораториях, знает, как выглядит растение, выращенное из семечка, которое замерзло во льдах 30 тысяч лет назад, видел то, что видят космонавты с «Мира» в прямой трансляции, был внутри моста во время разводки, щекотал себе нервы экстремальными засадами, встречался взглядом с человеком, осужденным на пожизненное заключение. Он на хорошем счету, никогда не испытывает мук творчества, может работать по трое суток кряду и вообще неприхотлив, вежлив и безотказен.

Да, он живет на бешеной, просто космической скорости. Куда он так бежит? Зачем он так бежит? Наверное, дело не только в любимой работе. Это нужно еще и для того, чтобы острее чувствовать тишину. Когда живешь на запредельной скорости, то гораздо острее ощущаешь те мгновения, когда

останавливаешься. Для тебя все словно в замедленной съемке, причем очень хорошего качества. Оказывается, безумно красивыми могут быть ползущие капли дождя на лобовом стекле очередного такси; самолеты, взлетающие на рассвете; автомат, отказавшийся налить кофе по техническим причинам. Все эти детали можно увидеть, лишь резко затормозив на безумной скорости. В обыденности их просто не замечаешь. Да, его жизнь была идеальной. Ровно до этого момента. Второй месяц командировок. Он жил где-то между небом и землей. Он спал в самолетах, ел на завтрак со шведского стола, где-то перекусывал между. В конце концов, ему стало абсолютно все равно, в каком городе он находится. Он просыпался в очередной гостинице, и первой мыслью была совсем не та банальная «где я?». Нет, первой мыслью был вопрос «сколько здесь времени?» Это оказалось невероятно важным – уметь ориентироваться и подстраиваться под вечно меняющиеся часовые пояса. Их было очень много, и ему было крайне важно понять, сколько времени здесь и сейчас, чтобы успеть все, чтобы не проспать и сделать работу. Привези его сейчас в любой город, где он уже был какое-то время, и он будет тут как в первый раз. Он не видел ничего, кроме гостиниц, каких-то забегаловок и панических мыслей о времени. Здесь, на фоне страшных зеленых стен красноярского аэропорта и закрались первые мысли о пенсии. Может, все же пора остановиться? Не на пару часов или даже дней, а хотя бы на год?

Дома

Только что он вернулся из командировки. Из аэропорта сразу на работу. Первая стандартная мысль: «Сколько здесь времени?» Он обнаружил себя на диване в холле их редакции заботливо укутанным в плед. Рядом спали еще двое коллег, тоже умотанных командировками.

Сделал дела первой необходимости, приехал домой, залег в ванну. Когда он последний раз принимал ванну с пеной, а не быстрый душ? Как же приятно осязать эти пузырьки. Помылся, выдернул пробку и остался лежать, наблюдая, как вода вместе с пузырьками делает свой последний поворот в жизни, спускаясь куда-то в канализацию. Вода уже ушла, а он продолжал лежать, наблюдая за каплями на животе. Кожа вспомнила море. Ощущение, когда выходишь на берег, в теле приятная усталость от плавания, ждет лежак, капли с живота скатываются куда-то вниз под палящим южным солнцем. Когда у него последний раз был отпуск? Отпуск без телефонных звонков и мыслей о работе? Не упускает ли он чего-то очень важного? Он знал точно, чем выше скорость, тем смазанней детали. Может, пора уже присмотреться к ним?

На следующий день он пошел увольняться. Было страшно, но это нужно было сделать. Конечно, он завершит все дела. Нет, отговаривать бесполезно, он сделал свой выбор. Да, он уходит в неизвестность. Нет, его никто не перекупил.

Вскоре он нашел тихий уголок: почти офисная работа, где нет необходимости постоянно задерживаться, работа, которую можно выбросить из головы ровно в 19:00. Редактор экономического раздела. Сводки, биржи, курсы валют, голубые фишки. На весь этот мировой рынок он мог с легкостью забить, переступив порог редакции. Что ж, отличное местечко, чтобы переждать, передохнуть. Он завел собаку, она стала своеобразным якорем, способным удержать его на месте. Наверное, все же он не собирался возвращаться к безумному ритму. Он научился режиму, он вновь обрел друзей, которых потерял из-за своей вечной гонки, он мог уверенно ответить на приглашение: «Да, приду», а не привычное для его друзей: «Я постараюсь, если не задержат на работе, если не уеду, я позвоню ближе к вечеру».

Оказалось, что отсутствие бешеной скорости, к которой он привык за десять с лишним лет, совсем не ломает, в этом есть кайф. И чего он так боялся садиться в уютное кресло на непыльную работу?

Теперь жизнь проходила по стандартному сценарию: утро – кофе без завтрака – прогулка с собакой – работа – ужин – прогулка с собакой до полночи – сон. В выходные какие-то развлечения, каждый раз новые. Его устраивал этот ритм.

Он ощущал тонкие ароматы жизни, научился различать их оттенки, детали больше не смазывались. Вот только друзья постоянно намекали, что пора бы уже найти кого-нибудь, мол, после развода прошло больше года.

Почти все, кого он знал, ненавидели одиночество, оно было у них как кость в горле. Он же понимал их лишь отчасти. Его совершенно не тяготило одиночество, наоборот, ему нравилось, что не надо никому ничего объяснять, никто не пристает с расспросами, он мог проводить время, как ему заблагорассудится, ни перед кем не оправдываясь и не чувствуя вины, если задержался на работе. Скучно не было.

Он боялся отношений. Он сам ушел от жены, не выдержал. Их отношения превратили его в толстого ленивого кастрированного кота. Спасала только работа. Но его работа воспринималась женой как любовница. Конечно, ей было нелегко с ним, хотелось предсказуемости, чтобы вечером – дома перед телевизором, по выходным – поход к друзьям или в кино и обязательно за покупками в ближайший «Ашан», обязательно со списком необходимых покупок. Все должно быть ровно, по-бюргерски. Она прогнозировала совместный отпуск и вечер, а он динамил ее, изменяя с любовницей-работой, каждый раз чувствуя себя виноватым, но и жить по-другому тоже не мог. Еще она не понимала его желания побыть в одиночестве. Те моменты, когда не надо ничего спрашивать, не надо лезть с советами и даже просто обнимать, она не чувствовала этих моментов совершенно. Вместо уединения он получал лишь упреки из серии «Ты хоть немного меня любишь?», эти упреки заставляли еще больше чувствовать себя виноватым. Повторения этого диссонанса он боялся больше всего.

Да, сейчас он приходил домой стабильно, задерживаясь лишь в исключительных случаях. Зато он мог себе позволить в выходные умотать на другой конец света, вместо того чтобы ехать со списком за продуктами.

А еще он очень боялся случайно влюбиться в себя кого-нибудь. Он очень не любил, когда в него влюблялись. Влюблялись те, кто совершенно не нужен. Он чувствовал их боль, их неразделенную давящую тоску, он видел, как некоторые теряются, находясь рядом с ним. Он понимал: его любят. Когда-то это тешило его самолюбие, было приятно. Но теперь он просто не знал, как себя вести.

Странно, но ему не хотелось даже трахаться. Он боялся, что секс может стать западней, которая начинается со второй зубной щетки в стакане, а заканчивается каким-то опустошающим бредом. В общем, он сознательно выбрал одиночество. Со времени развода в его жизни были только две женщины, оба раза случайный середнячковый секс, ни к чему не обязывающий, его устраивало.

Правда, через какое-то время к нему наведалься фиолетовый хищник. Тот самый зверь, который все окрашивает в свой цвет, и уже совершенно ничего не нужно, нет ни чувств, ни эмоций, нет ничего, уже даже не нравится такой родной и любимый плей-лист, не хочется никого видеть, вообще на все плевать с высокой колокольни. Все-таки гораздо приятнее было кого-нибудь ненавидеть, злиться, умирать от депрессии, куда-то бежать. Все это лучше, чем пожираю-

щий изнутри фиолетовый хищник, из-за которого перестанешь чувствовать себя живым. Он не сразу понял, что хищник уже внутри.

С приходом очередной весны в нем вдруг что-то зашевелилось. Это что-то спало очень долго. Это что-то вдруг потребовало сменить образ жизни и вновь побежать. Это что-то он усиленно затыкал. Возвращаться к прежнему графику было невозможно, у него в ногах спало существо, которое было несовместимо с космической скоростью. Он увеличил количество поездок на выходные, он расширил круг хобби, он бросался во все возможные авантюры. Нет, предать собаку, самое преданное существо, он бы не смог.

На майские праздники приехали друзья, шесть человек. Было весело, легко и непринужденно. Вообще-то это не были друзья как таковые, просто приятели, с которыми он время от времени пересекался. Среди них была она. Во всей этой компании самая скромная, чем-то напоминающая мышь, которая изо всех сил тужится, чтобы стать своей в доску. Среднего телосложения, среднего роста, волосы средней длины какого-то средне-русого цвета. Он почувствовал в ней какую-то детскость, наивность и неуверенность. Неуверенность была особенно заметна, в первую очередь в движениях и чуть дрожащем голосе. Знакомы они были давно. Он уже привык к ней, они были друзьями в социальных сетях, иногда лайкали друг друга или обменивались комментариями. Общались мало. Он посмотрел на нее и попытался вспом-

нить, когда и где они познакомились. Ему казалось, что она была поблизости всегда. Но все же, сколько они уже знакомы? Год, два, три, пять или все десять? Этого он так и не смог вспомнить. Странно, но почему-то к ней потянуло так, будто там, где-то внутри ее, спрятан магнит.

Он поймал себя на мысли, что наконец-то заметил ее. Теперь он издали наблюдал за ней, пытался больше общаться, стал как-то неуклюже оказывать знаки внимания и ухаживать. Они вдвоем пошли выгуливать собаку, когда другие остались в квартире. Он шутил, говорил с ней на интересные ее темы, слушал немногословные ответы, чувствовал исходящую от нее какую-то напряженность, которую воспринял как ответ «да», и как-то ненавязчиво излучал свои флюиды. Это всегда срабатывало. До сих пор он не знал отказа. Стандартная схема: познакомишься, общаешься, где-то восхищаешься этим человеком (тут главное не переборщить), потом приглашаешь куда-нибудь – и дело в шляпе.

Конечно, знакомы они были давно, очень давно, непротитительно давно, но что поделать, если он заметил ее только сейчас? Будем считать этот момент отправной точкой.

Он чувствовал, что летает. Такое он испытывал только один раз ровно девять лет назад. Что это? Он влюбился? Странно, он думал, что это невозможно. А вот ведь так бывает. Хотелось бесконечно прыгать по комнате и орать. Он так и делал. Бегал как угорелый из угла в угол под музыку, радуясь всему подряд, как умалишенный. Она уехала в Пи-

тер вместе со своими друзьями. На перроне он долго держал ее за куртку, не желая отпускать, уговаривал остаться. Его пригласили в гости. Конечно, он ответил согласием, он прямо сейчас был готов бежать за билетами и ехать этим же поездом. Душа распушилась, как хвост павлина.

Понять, любишь ли ты человека абсолютно – совершенно просто. Тебе нравится в нем все. Ты видишь его слабости, и они тебе нравятся. Она однозначно ему нравилось, вместе с заносчивостью, обидчивостью, желанием нравиться всем и каждому. Ему не надо было оправдывать эти качества. Они ему нравятся. В других не нравятся заносчивость, чрезмерно выросшая корона, но именно в ней они должны быть. Это не принятие человека, это совсем другое. Принять и понять можно любого человека. А здесь же любовь в чистом виде.

Было в этом чувстве что-то еще. Ему однозначно не хотелось с ней тупо переспать, она нужна была для большего. Он стал тщательно изучать ее в соцсетях. У них идентичные вкусы. Они любят одну и ту же музыку, им нравятся одинаковые фильмы, она тоже любит путешествовать. И уж с ней-то точно он бы не превратился в домашнего кота. Он уже видит, как они вместе едут куда-нибудь с собакой на выходные, как катаются на великах, как смотрят в обнимку какой-нибудь малопонятный фильм. Да, он хочет быть с ней! Быть постоянно, 100% времени, он готов пожертвовать своим одиночеством только ради нее.

Счастье, столь внезапно нахлынувшее, переполняло его,

лезло из ушей, душило изнутри. Он не мог об этом молчать, а сказать кому-то было страшно, чтобы не сглазить. Тогда он решил завести блог, куда выплескивал бы избытки своих чувств, а они нависали над ним, как небоскреб. Написал, что для него это новый уровень, что он готов ради нее на все.

Еле дождался, когда она вернется в Питер, а ведь это всего лишь ночь. Зная ее тягу к соцсетям, он был уверен: в первую очередь она полезет туда, а тут и он со своим распушенным хвостом. Так и случилось. Как же долго он ждал этой заветной надписи «онлайн». Даже не верится, что с момента их встречи прошло всего-то чуть больше десяти часов.

Он:

привет))) как добралась?

Она:

в общем и целом нормально) если не брать в расчет ноющего ребенка, храпящего мужика и стервы проводницы))

Он:

ой, сочувствую.... не выспалась?

Она:

не-а)))

Он:

держись))) ты нам нужна

сам сегодня на работу опоздал просто безбожно...

Она:

да, а что, я вот все думаю взять прилечь немного, так

что выживу, это точно)))

Он:

ну иди, дрыхни)) приятных сновидений... А я буду дальше носом клевать, вчера днем выспался, а ночью ни в одном глазу

Она:

)) клюв береги

Он:

ага, без клюва печально... что-то я уже соскучился, надо в питер выбратся

Она:

как ты быстро соскучился)))

Он продолжил разговаривать с ней в своей голове. Конечно, она все понимает, он же еще в Москве весьма недвусмысленно выражался. Конечно, она поняла, девочка очень умная, не могла не понять. Она ушла в офлайн, а он остался восхищаться ее записями на странице, коих было больше двух тысяч. Его же страница почти пуста, он редко там отмечается, в основном стена заполнена чужими поздравлялками со всем подряд. На какую-то долю секунды он почувствовал себя каким-то ущербным и отсталым. Ведь действительно, все его знакомые обитали в соцсетях, практически переехали туда, а он, как пещерный мамонт, до сих пор живет в реале, хотя честно раз в сутки прочитывает ленту и даже иногда комментит или лайкает. Более того, раз в несколько

месяцев страница все же обновляется нелепым постом или фоткой собаки. Так или иначе, до сих пор онлайн он светился не больше часа в день: ему казалось, что круглосуточная просидка перед монитором – время, выброшенное в мусорное ведро. Было дело, когда и он пропадал в каких-то чатах и форумах, но они никогда не заменяли ему реальности. Скорее, это было одной из граней его стакана жизни наряду со множеством других. Сейчас все стало по-другому, он постоянно был онлайн, поджидая ее. Уже несколько суток он не мог есть, он перестал спать, совсем. Он думал о ней. Он только сейчас смог увидеть, какая она крутая: почти тысяча друзей, примерно столько же подписчиков, для каждого шага находится какой-то пост, она описывает каждый, совершенно каждый, свой шаг. Очень часто выкладывает музыку. Он полюбил эту музыку. Он полюбил все, что любила она. Даже Питер, он готов был переехать туда, хотя еще вчера этот город казался ему слишком серым, слишком угрюмым, закованным в камень и бетон, где нет места растениям, чему-то по-настоящему живому. Когда он приезжал туда, ему не хватало воздуха.

Сейчас он смотрел на Питер совсем по-другому, ее глазами. Сейчас он видел в этом городе беззаботность, минимальную скорость, кеды и вечные прогулки. Ему нравилось, он хотел туда переехать. Все это он писал в своем блоге. Почему-то он начал там писать о самом сокровенном, чего раньше не делал никогда. До сих пор он писал лишь по работе

на заданные темы за деньги. Писать другое не было необходимости. Шла пятая страница его блога, а ведь это только начало. Пятая страница за несколько дней! Даже не начало, так, предисловие. Улыбнувшись, он понял, что набирает на сайте популярность. Его очень редко лайкают, еще реже комментят, в отличие от других блогеров. Но читают его блог стабильно и очень активно. По количеству просмотров он уверенно вырывался в лидеры, это подстегивало размышлять дальше, делиться. Он писал об отношениях между людьми, о просмотренных фильмах, о своей любви, он описывал все свои чувства и эмоции, все, что сделала с ним она всего лишь за несколько дней. Заметил, что большинство людей в соцсетях на 99% выражают свое настроение, чувства и мысли с помощью чужих цитат, стихов, музыки, фото. Ему нравился этот сайт, тут большинство писали сами. Порой очень коряво, с чудовищными ошибками, наивно выражая мысли, давным-давно облаченные в более красивые формы другими. Но читать это было гораздо приятнее, чем ленту в соцсети, пестрившую перепостами о животных, советах как стать счастливым, мотивациями и мнениями о правильной жизни, рецептами и упражнениями для всего на свете.

Он:

ну что, погуляем по Питеру?))

Она:

уже купил билет?))

Он:

ага)))

Она:

давай) свисти когда

Он:

договорились)) подготавливай прогулочную программу))

Она:

да какая там программа) все будет зависеть от погоды)

Он:

знаю я вашу погоду, какой бы она ни была, все равно алкотур получается)))

Она:

ха-ха)))

Он:

смешно ей... сколько раз в питере был, максимум на кораблике покатают, ну последний раз еще на качельках покачались

Она:

тыщу лет не качалась на качелях и не каталась на кораблике))

Он:

ты же говоришь, тебя укачивает?

Она:

ну да) укачивает все, за исключением катапульти и колеса обозрения))

Билеты в Питер на руках, чуть меньше через месяц с момента как она уехала, они встретятся вновь. Ему безумно повезло, что надо сделать в культурной столице кое-что по работе, и он захватывал не только выходные, но и понедельник. Про еду и сон забыл окончательно. Каждый раз заставлял себя съесть хоть что-нибудь, максимум на что его хватало – полбутерброда в день и литры кофе, без кофе он не мог совсем.

Бессонница. Пожалуй, самое дурацкое состояние. Ты не спишь ночь, день просто как-то переживаешь с мыслью, что как только рухнешь в кровать, то сразу уснешь. Но все совсем не так. Ты приходишь, ложишься спать раньше обычного, обессилен, безумно хочешь спать... А не получается. Телу лень даже переверачиваться, тело спит, но мозг никак не хочет выключаться. Ты уговариваешь его: надо спать, сон сейчас – самое необходимое. Все напрасно, мозг продолжает что-то там генерировать. Причем генерирует абсолютную ерунду: какие-то картинки, какие-то образы, мысли, нет, даже не мысли, а обрывки мыслей, приводящие в никуда. Ты пытаешься его переключить, считая туда и обратно, занимая его какими-то загадками, головоломками, задачами. Все бесполезно, мозг продолжает бешено работать, но уже в другом направлении. Потом ты начинаешь тревожить тело, которое спит, чтобы перевернуться. Ты чувствуешь, что уже где-то на грани сна и тебе становится так сладко – просто от по-

нимания, что скоро уснешь... Но этого не происходит. Ты идешь в очередной раз курить, наблюдаешь рассвет, понимаешь, что завтра тебе просто пиздец, ибо столько не спать уже просто клиника, но ничего не можешь сделать с этими проклятыми мыслями, с этим проклятым мозгом. Хочется, чтобы его просто ампутировали. Но, несмотря ни на что, ты все же засыпаешь. Чтобы ровно через полтора часа зазвонил будильник, чтобы ты попросил дать поспать еще, отодвигая звонок на 10 минут, и так несколько раз. А потом ты понимаешь, что дальше просто невозможно, вскакиваешь, собираешься сломя голову, времени хватает только на почистить зубы, одеться и вывести собаку; вылетаешь, берешь такси и все равно опаздываешь на работу на полчаса. Тебе кажется, что уж сегодня, еле продержавшись на ногах очередной день, видя сны уже наяву, ничего не соображая, коря себя за плохую работу, ты уснешь. Но следующая ночь оказывается похожей на предыдущие. Слышишь, как работает мусоровоз, видишь, как выключается ночное освещение, и по-прежнему пытаешься убедить мозг вырубиться. Но серое вещество таких команд не понимает.

Они мило общались о работе, фильмах, кошках и собаках, нелюбви к клубам, совместно пили пиво каждый перед своим монитором, вместе уходили курить каждый в свой угол, слушали одинаковую музыку через трансляцию в статусе. Нет, соцсети определенно хороши, особенно когда вы можете слушать одновременно одинаковую музыку, находясь в

разных городах. Это все равно что одни наушники на двоих. Одни наушники на двоих с музыкой, которая нравится обоим, да это круче секса! Боже, какие розовые сопли, как все это банально, все это было описано уже тысячу раз тысячей переживших подобное. Все это напоминало дешевые сопливые книжки о любви, которые продают в поездах. Он никогда такие не любил: слишком слащаво, слишком ненастояще, слишком далеко от действительности. Но как же ему сейчас хотелось, чтобы эти страницы из дешевых книжек стали его реальностью. Да, такое с ним было впервые. До сих пор с новой девушкой его всегда мучили сомнения из серии «оно – не оно». В принципе, до сих пор он всегда оставлял для себя пути к отступлению и всегда понимал, что это не навсегда, что он все равно сбежит. С ней сомнений не было совсем, он ни на секунду не сомневался, что это она и больше никто. Как же ему было хорошо, как же грели душу эти разговоры, и как же сложно было усидеть на месте и не признаться в чувствах раньше времени! Он боялся, что она может испугаться и убежать. Хорошо, что у него был блог, там он мог говорить все, что захочет.

Он пытался строить отношения со многими. А потом тупо сливался. Кому-то говорил, что любит, с кем-то просто трахался. Его считали засранцем, не понимая, что он просто ищет и ждет. Эти сомнения вовсе не означают, что он не знает, чего хочет, что он законченный блядун и т.д. Эти сомнения и метания совершенно точно означают «нет». Когда

человек любит, а не просто влюблен или какая-то симпатия присутствует, а любит с большой буквы, он не сомневается ни секунды, что это именно оно. Сомнений нет вообще. И именно этот человек может стать номером один в системе ценностей. Остальные не смогут. Лично он до сих пор просто позволял девушкам быть какое-то время рядом. Исповедовал один простой принцип: есть кто-то рядом – хорошо, а нет – так еще лучше. На первом месте были работа, хобби, друзья, что угодно, но только не тот человек, который спит на соседней подушке, с которым он, может быть, даже живет. Хотя внешне он вел себя как любящий джентльмен, время от времени готовый идти ради нее на безрассудства. Беда девушек была в том, что рано или поздно он все равно сбегал – через месяц, два или пять лет, но сбегал.

В те далекие времена он хотел казаться орлом. Более того, сумел себя убедить, что он и есть орел, летающий высоко-высоко и видящий все, чего не видит больше никто, кроме других орлов. Но это было не так. Он просто был маленьким воробушком, воюющим с крупными голубями за крошку хлеба. Самое странное, что он очень боялся, что и другие увидят в нем того самого воробушка, которому так не хватает банальной заботы, тепла и чуточки солнца.

Как же было больно не видеть ее онлайн, и как же было больно, когда она куда-то исчезала на полуслове. Где она? Что делает в это время и с кем? Но потом она вновь писала «привет», и он был счастлив. До поезда оставалось чуть

больше двух недель. Он был уверен: будет легко, ведь она все уже видит и знает. Конечно, знает. Ведь не просто так они треплются уже которую ночь подряд обо всем на свете, при том что еще недавно были едва знакомы. Только бы усидеть на месте. Он боялся, что давит на нее своими чувствами, ему казалось, что он стал какой-то рыбой-прилипалой для нее. Надо было снизить обороты. Ох, как сложно было это сделать. Это все равно что заткнуть фонтан пробкой от ванны. Хорошо, что у него был блог. Блог стремительно набирал обороты. Кто все эти люди, так активно, но молчаливо читающие его? Среди них не было его знакомых, он никому не давал ссылку. Это были чужие люди. Почему они его читают? Читают самое личное и сокровенное. Читают про отличия между севером и югом, читают о том, каким бывает небо, читают о его надеждах, читают о его любви. На самом деле было безумно тяжело. Он поймал себя на мысли, что не готов к таким всепожирающим страстям. Да, такого раньше не было. Да, он был благодарен за новые эмоции, но в то же время понимал, что все это его разрушает и может даже убить. Его убьет собственная любовь? Ну и пусть. Дабы переключиться с этой мысли, опять зашел в свой блог, зачем-то написал:

«Есть люди, бестактность которых просто убивает. Они что, серьезно не понимают, что делают кому-то больно? И если этот кто-то не показывает, что ему больно, это еще не значит, что его душа под анестезией, и он ничего не чувству-

ет».

Перечитал, сам не понял, о чем и зачем это написал. Видимо, любовь обострила его чувствительность до какой-то крайности. Как будто любовь – это точильный нож, делающий острым что-то давно заржавевшее.

Собственная фраза заставила задуматься. А ведь правда, что бы там ни говорили, но сложнее всего произнести две фразы: «Я тебя люблю» и «Пошел на хуй». Естественно, это сложно сказать исключительно тем людям, которым очень хочется. Мысль потекла дальше, но осталась за пределами блага. Люди часто обещают позвонить и не делают этого, часто просто не берут трубку и не отвечают на сообщения. Поначалу это можно списать на занятость или что-то еще. Но потом ты понимаешь, что просто не могут они послать на хуй открыто. Им проще не взять трубку, и пусть человек думает, что хочет. Все-таки посылать на хуй не интеллигентно, другое дело по-тихому исчезнуть. Интеллигентней, но нифига не честнее и гораздо более жестоко. Нет, он твердо решил, что сам никогда не будет больше так делать, хотя и до этого не злоупотреблял таким поведением.

Очередная ночь диалогов. Ей проще, она может спать днем, а ему на работу. На работу пока еще в Москве. Странно... До сих пор у него не было желания жить с кем-то, он никому не предлагал отношений как таковых, он никому не предлагал жить вместе, все получалось как-то само собой и немного против его воли. С ней совсем другое дело. Он готов

был делить с ней время, свои мысли, свой плей-лист, к которому всегда относился очень ревностно. Он добавил туда ее любимую музыку, он был уверен, что ему это тоже нравится. Делиться плей-листом? Нет, на такое он решился впервые, до сих пор он оставлял этот кусочек жизни только себе, не терпя в нем чего-то чужого. Он готов был делить с ней все самое сокровенное. Он готов был подстраиваться под нее сколько угодно. Он узнал, как правильно знакомить собаку с кошкой, почему аренда квартиры в Питере, что за зверь корюшка. Он отказался делать уборку, потому что ей нравится творческий беспорядок. И все равно ему казалось, что он не достоин, что она лучше его и выше. Она фрилансер, получающий за свою работу мизерные деньги. По крайней мере, с его колокольни это было мизером. Но зато она была свободна делать, что захочет. Он же был вынужден каждый день ходить на работу. Он жаждал ее свободы, ее беззаботности, он искал повода, чтобы уволиться и начать другую жизнь, он откровенно нарывался на увольнение, чтобы хоть немного достичь ее свободы. Странно, что его еще не уволили, ибо работать он был не способен, посвящая почти все время соцсетям и блогу. И это он, трудоголик, никогда не позволявший себе страдать ерундой в рабочее время! От увольнения удерживало немного – собака и оплата квартиры. Только это останавливало от шага в пропасть. Работа мешала, деньги мешали, все мешало, все заставляло чувствовать свою ущербность.

Очередная ночь. Очередной диалог. Они в очередной раз пьют пиво перед монитором. Бессонные ночи и голодание были слишком быстро раздавлены алкоголем, он расслабился.

Он:

а во сколько обычно спать ложишься?)

Она:

да когда как))

но я жесткая сова

Он:

прикольно тебе))) я тоже сова неисправимая, но у меня режим

правда, последнее время катастрофически не высыпалюсь))))))

Она:

ну... у меня тоже из-за этого режим убит... фриланс расслабляет((

Он:

да у меня не из-за фриланса, я уснуть не могу))

Она:

*да я тоже долго иногда не могу((
но меня задолбало просыпаться в час)))*

Он:

так я еще и не ем нифига, тоже не могу))) скоро от истощения свалюсь нафиг

ну, тебе не угодить)))

Она:

ну а чего тогда в крайности бросаешься?)

Он сделал это! Его так долго распирало от этого чувства, будь что будет. В принципе, думал он, а зачем продолжать игру, если и так все видно. Все же, как на ладони, она точно уже давно и сама обо всем догадалась, а он лишь подтвердил ее догадки, облегчая задачи и снимая ненужные мысли.

Утро. Он с нетерпением ждет, когда же рядом с ее именем появится заветное «онлайн». Вот, ура, она в Сети!

Он:

Доброе утро)))

Молчание. Очень долгое молчание. Он видел, она прочитала его сообщение. Нестерпимо долгое, удушающее молчание. Разрывающее на куски. Что она думает в этот момент и почему так долго думает? Почему она ничего не пишет? Ведь она ДОЛЖНА была догадаться, что все ночные посиделки перед монитором не просто так. А вдруг она испугалась? Он не знал, что делать. Он проклинал себя за это признание и не знал, как исправить ситуацию. Как бы ему хотелось забрать отосланные строчки назад, он бы все за это отдал. Такого сожаления о сказанном он не испытывал никогда. Ущербность каким-то образом удвоилась. Она молчала.

Это убивало, лучше бы она отправила его на три буквы. С момента его приветствия прошло почти два часа. В ее статусе зазвучал Вивальди. Он ухватился за эту музыку, как за соломинку.

Он:

Смотрю у тебя времена года играют. Осень.

Она:

Да, хорошая музыка. Привет.

Он:

Ага, это лучшее из цикла.

Зачем он соврал ей? Зачем??? Ведь «Зима» ему нравилась гораздо больше, а на втором месте было «Лето». Но он очень хотел поменять тему, только бы она забыла про ночное признание. Ему удалось, она ответила. Нет, до приезда в Питер никаких признаний, он торопит события. А там будь что будет.

Он чувствовал себя полным кретином, идиотом, каких еще свет не видывал. Это чувство было мерзким, неудобным и мешающим. Как будто ты едешь в маршрутке, а кто-то сзади упирается коленками в твое сиденье.

Они продолжили общаться. Странно... но каждый раз, когда он говорил о том, что дорого ему, о том, чем он занимается, что любит и о чем мечтает, все отметалось. Собаки – плохо, она кошатник, на севере холодно, а работа его – гов-

но. Конечно, все это прямо она не говорила, но после ее фраз ущербность только возрастала. Он чувствовал в глубине души, что его жизнь ее совершенно не интересует. Это естественно, на ее фоне он был жалким неудачником, так и не сумевшим создать что-то стоящее. Она художник, а кто он? Ну, и ладно, он все равно уже давно жил исключительно ее жизнью. Он чувствовал какую-то пропасть между ним и его Королевой, пытался сократить эту пропасть, убеждая себя, что вообще-то ему нравится все, что нравится ей, и принципы у них похожи, и вообще сами они как две капли воды.

Тем не менее, он готовился к Питеру, уже ни на что не надеясь. Прекрасно понимал, что если ему откажут, то внешне ничего не изменится. Абсолютно ничего. Он также будет ходить на работу, возвращаться, гулять с собакой, искать на свою задницу приключений, время от времени с кем-то трахаться, при этом не подпуская близко, время от времени напиваться вдрызг, мучиться от бессонницы, когда всякие мысли упорно не хотят покидать черепашку, утром забивать на работу, врать, приезжать к обеду, и при этом чувствовать себя безответственной сволочью, точно так же, как после хорошей попойки.

Попойки. Большинство из них было с коллегами. Журналисты – они такие смешные. Нынче модно хаять его брацию, называя их сволочами, свиньями и т.д. Ну, в тренде это. Но ни от кого он не слышал столько грязи в адрес профессии, сколько от самих журналистов. Уж эти-то на эпитеты со-

всем не скупятся. Им кажется, что, громыхая трехэтажным матом, стучая пивной кружкой о стол, они как бы отстраняются от профессии. Но на самом деле это не так. Лично он видел среди таких людей всего лишь два типа: к первому относились алкоголики-неудачники, такие же фанатики, как и он когда-то, которым работа заменила все, но теперь их это уже не устраивает, а что-то изменить они не в силах, это были уже своего рода динозавры в профессии. Ко второму принадлежали новички. Еще недавно они рьяно, до дрожи, с порванной рубахой на груди самоутверждались за счет этой профессии. Они хотели совершить на бумаге революцию, посадить парочку-другую коррупционеров и, в конце концов, быть убитыми за правое дело. Но этому не суждено было сбыться, сегодняшнее время хреновое для революций, а профессия и тем паче. Тогда они так же рьяно в кулуарах, за той же кружкой пива разоблачали всю систему современной журналистики, своих коллег, своих начальников. Потом и динозавры, и новички находили общий язык, рассуждая о бренности бытия.

Его профессия – его крест. Он уже давно научился врать одноразовым знакомым о месте работы. Проще было назваться менеджером, чем слушать очередные высказывания:

– О, круто, я тоже в детстве хотел, да вот не сложилось.

– О, боже, ты – чудовище, надеюсь, у тебя с собой нет скрытой камеры?

– А Якубовича видел?

– Вы, наверное, со звездами на «ты»?

– А я вот стихи пишу, это хобби. Можно у вас опубликовать?

– У вас там хорошая зарплата?

– У меня дочь поступать будет в этом году, хочет на журнал, что посоветуете?

– А у меня труба протекает, можете об этом написать?

– А в клуб можете провести? А в театр? А на концерт? И даже в музей не можете? Бесплезная профессия...

– А напишите про меня!

– Ой, только не пишите про меня!

Однажды, всего один раз за столько лет, ему посочувствовали. Сказали: «Быть журналистом тяжело. Я представляю, сколько негатива льется и что человек вынужден от этого закрываться. Но через много лет это приводит к тому, что начинаешь закрываться вообще от всего». Сколько же правды в этих словах...

До поездки в Питер оставались считанные дни. Его нетерпение брызгало во все стороны. Осталось четыре дня, всего четыре дня. При встрече с ней все случится. Все, о чем он мечтает почти месяц. Они будут самой счастливой парой на планете, прямо как в дешевых книжках, пропитанных розовыми соплями. Ведь она все понимает, да и понимать уже нечего, он ей признался. Да, после этого было убивающее молчание, но его не послали! С ним продолжили общаться. Каждую ночь он продолжал выворачивать свою душу. Он

рассказал ей, о чем больше всего сожалеет в жизни, он рассказал о дружбе, о своем прошлом браке, о плюсах и минусах одиночества. Для всего этого блога уже не хватало. Он рассказывал ей то, что не рассказывал никому. Она тихо слушала, иногда вставляя смайлы или коротко что-то комментируя. Да, он был пьян. Он понимал: перед ним идеал. Тот самый идеал, которому предшествовали два года одиночества. Он был готов расстаться со своим одиночеством. В общем-то, выбора не было. Либо она, либо его одиночество. Третьего не дано. Он выбрал ее. Иногда он звонил ей, стараясь не быть навязчивым, максимум один звонок в два дня, чаще смс, но тоже в пределах разумного. Он безумно боялся стать навязчивым. Излишки приходилось выливать в блог. Почти 500 просмотров за неделю. Ого! Кто эти люди, читающие его? Он не понимал, зачем они читают. Еще меньше понимал, почему они делают это молча. Хоть бы совет какой дали. Он лайкал все ее посты. Ему казалось, что они гениальны. Она описывала каждое свое движение. А разве не для того нужны соцсети, чтобы тщательно фиксировать каждый свой вдох и выдох? Раз это было невероятно важно для нее, он был готов играть по этим правилам. Он поселился в соцсети. Он даже перенес туда свой плей-лист, отныне слушая музыку только оттуда. Это вынуждало быть онлайн круглосуточно, ведь без музыки было невозможно. Он приходил на работу, заходил в Сеть, надевал наушники и пытался выполнить хотя бы необходимый минимум. Он почистил

свою страницу от бездушных открыток, отправленных другими, от предложенных приложений, каких-то тестов. Страница опустела. Надо было ее чем-то заполнять. Он только учился это делать. Учился у нее. Получалось коряво, ведь он совсем не хотел постить чужие цитаты, а разместить что-то глубоко личное не мог, все-таки друзей у него было почти под сотню, а писать он хотел только ей. Но он каким-то образом чувствовал, что это необходимо сделать. Она бы это оценила. Он искренне восхищался ее талантом, ее картинками. Он должен был ей соответствовать! Единственное, что он хоть как-то умел – это играть в слова. Это было его работой, его хлебом, ну почему бы не сделать это ключиком к ее сердцу. Тем более что количество посещений в его блоге явно подтверждало – кого-то он уже сумел тронуть.

Вспомнил свою прошлую жизнь. А ведь он только сейчас подошел к тому периоду, когда понимаешь, что любовь – штука очень важная... Раньше он считал это ненужными сантиментами. Были важны другие вещи. Нет, конечно, он играл в любовь, признавался, завоевывал, делал комплименты и прочее. Но все это ради секса. А если с человеком хорошо и комфортно на данную единицу времени, то он оставался ровно на столько, пока длился этот комфорт. Сейчас он чувствовал себя по отношению к тем девушкам тварью. Безответственной эгоистичной тварью.

Понедельник. В пятницу он едет к ней. Очередная алко-ночь перед мониторами в разных городах. Время от поне-

дельника до пятницы кажется бесконечно длинным. Они мило болтают о стеснительности, семечках, море, Одессе, кошках, какой-то музыке. Он понял, что она не любит прямых вопросов, и если спрашивал о чем-то личном, то она просто прекращала общение или, что еще хуже, уходила в офлайн. С ней было трудно, он был слишком прямой, он пытался читать ее мысли и держать себя в руках. Ей было страшно открыться, может, ее кто-то в свое время жестоко обидел? Ничего, он сумеет подобрать этот самый пресловутый ключик. Эта замороженность подстегивала его открываться перед ней все больше и больше. Он был уверен: только так сможет растопить лед, который, похоже, был многовековым. Он не выдержал, опять выпив лишнего, дал ссылку на блог. Тут же об этом пожалел. Он же зарекался от всяких признаний раньше времени, от всяких признаний до личной встречи! Черт.

Он:

ой, млин... ну, извини, я там, что думал, то писал....

не-е-е-е, наверное, лучше не читать

хотя... ну, бли-и-и-ин((((я весы. Ты же сама говорила, что я, как и ты, будучи весами, стукнутый.

э-э-э-э, ты где????

пошел курить, уж если и читаешь, то лучше не при мне

Он:

забей, ладно))) это было искренне

но я не и из тех, кто лезет напралом

на нет и суда нет

эх, напился, млин, зря тебе ссылку дал... меньше знаешь

– лучшие спишь

Она:

ох)

у меня сигареты, кончились, блин

Он:

*забей, ладно))) просто хотелось, чтобы все по-честно-
му)))*

а без сигарет это попандос, гораздо больший, чем без пива

Она:

*слушай, да, кажется, я и в смс-ках поняла, только дума-
ла, мне мерещится*

Он:

не мерещилось)))

Она:

давно в меня не влюблялись))

Он:

*ну, извини, я не специально, меня мое одиночество вполне
устраивало*

Она:

*да я знаю, что не специально) понять не могу, в какой
момент произошло и почему) и мы ведь не в первый раз ви-
димся))*

Он:

Честно, не знаю... знаю, что в эти праздники, и знаю, что не первый раз видимся... Раньше тоже что-то екало, но не так, скорее было просто интересно пообщаться с хорошим человеком, я не знаю, что произошло в этот раз... кабы я мог управлять своими чувствами, я бы так и остался наечно в себе

я же тоже интроверт, да еще и весы

но мне легче, что ты теперь знаешь... знаю, тупо переложил груз, но легче... видимо, эгоизм...

но ты не бойся, я реально не из тех, кто добивается своего во что бы то ни стало

Она:

Да, я понимаю

в общем, ты, конечно, извини, но я пока все еще офигешая...

Он:

ну, еще бы))) я б тоже офигел)))

совсем сигарет нет? Чую, тебе перекур нужен)

Она:

ага) совсем))) что-то не догадалась затариться

Он:

ну, беги, что ж теперь)))

Она:

меня не отпускает ощущение, что мне все снится)

Он:

тогда ложись спать)))

Она:

можно?)))

Он:

да без проблем))

Просто он слишком много выпил в очередную ночь перед монитором. У алкоголя бывает совершенно разный вкус. Возьмем, к примеру, пиво. Вроде бы почти все оно одинаково на вкус. Но когда сидишь с друзьями в душевной компании, оно на вкус какое-то непринужденное. В принципе, можно в этот момент даже простую воду пить, ничего не изменится – так же будет весело, легко и приятно. Когда оказываешься один в чужом городе, то же пиво имеет совсем другой вкус. Это такая сладковатая горечь. Тебе совсем не плохо, и в то же время совсем не хорошо. Какое-то спокойствие растекается внутри с каждым новым глотком. Когда сидишь дома один и тупишь перед монитором, алкоголь приобретает совсем другой вкус. Вкус потерянного времени, безысходности, желания что-то поменять и отсутствия сил для этого. А еще есть одно очень забавное состояние – «в говно». Добиться этого состояния можно двумя путями. Первый – это сознательно надраться до такой степени, время от времени это необходимо. А второй из серии «ну получилось так». Как ни странно, но добиться состояния «в говно» довольно непросто. Даже если очень хочется, непросто. Видимо, дело тут не в количестве выпитого алкоголя, а в чем-то, что сидит

внутри. Есть там какой-то зверек, и только от него зависит, уйдешь ты «в говно» или все же останешься на ногах.

Вторник. Час дня.

Он:

Привет))

Она:

)))))))))

О да, сработало!!! Ее смайлы обнадеживали, а то, что она сидит офигевшая, так это нормально. Весь этот ночной диалог был просто пропитан ответом «Да»! Крылья за спиной выросли еще больше.

Вечер, он решил не писать. Звонок с пожеланием спокойной ночи. Да, план сработал, у него получилось. Радар сработал четко, он понимал, что с ее неординарностью вести себя можно только так, и никак иначе. Только искренне, только мясом наружу, да и не мог он по-другому.

Среда. Обмен приветствиями. Она холодна. Болтают ни о чем. Она делает вид, что ничего не замечает и не понимает. Он тоже делает такой вид, хотя это очень странно и трудно. Как можно делать вид, что ничего не случилось, если ты уже признался в любви и вывернулся наизнанку, открыв самое сокровенное? Нет, он ждал какой-то другой реакции, не настолько холодной. Но ведь его не послали! Что может быть главнее этого?

Он посмотрел вокруг. Он искал свой дом. Он очень хотел его найти, это было очень важно. Именно сейчас он считал свое жилье перевалочной базой. Да, он тут спал, тут были его вещи, тут жила его собака. Но домом данную квартиру это не делало. Даже ремонт и новая мебель не помогали.

Все было завалено каким-то мусором, грязной посудой, скомканным бельем. Внутри пахло бездельем и ленью. Но как же ему было хорошо сейчас тупо валяться на диване и ничего не менять.

Прямо перед ним стояла стена из незавершенных дел. Их накопилось очень много, и жизненно необходимо было это все разобрать. На самом деле только поначалу стена кажется монолитной и неразрушимой. Но это все равно что разобрать завал на рабочем столе, надо просто взять вещи и разложить их по полочкам, что-то убрать в ящики, а что-то выбросить, потом вытереть пыль, и настроение тут же поднимается.

Четверг. Он вновь не выдерживает и задает прямой вопрос, ему очень важно получить ответ, ему важно знать настоящий прямой ответ. Он может быть любым, но он хочет, чтобы он был четким. Она ушла в офлайн. Почему она постоянно убегает, оставляя его наедине с разрывающими мозг мыслями? В эти моменты он не знал, что думать, но очень радовался, что его до сих пор не послали. Когда она убежала, ощущение никчемности возвращалось, ему казалось, что все, что он делает, неправильно, все надо делать по-другому,

но не знал, как именно. Почему она убегает, почему она не может просто объяснить, что происходит? Не доверяет? Бояится? Просто не хочет говорить? Что ж, ее право, ему остается только вести войну с собственными мыслями, всплывающими айсбергом и никуда не приводящими.

Пятница. Ему бы день простоять да ночь продержаться. Потом долгожданная встреча. Она так и не дала твердого ответа, но этого и не надо, это надо сделать в реале. Осталось совсем чуть-чуть. Правда, он так и не придумал, как поведет себя, увидев ее при встрече. Пусть все идет спокойно и ровно, пусть будет, как будет. В конце концов, у него никогда не было проблем с общением, а уж с противоположным полом и подавно, придумает что-нибудь, где-то отшутится, постепенно приближаясь к ней. Главное – не дать вырваться эмоциям наружу раньше времени. Это было самой сложной задачей. Теперь он понимал выражение «умирать от любви». Да, она его разбудила, вдохнула желание жить, избавила от тяги к одиночеству. Но все это давалось немалой кровью: где-то внутри он чувствовал, как от него убегает что-то невероятно важное, глубоко личное. Ну и пусть. Он знал, что это нечто направляется к ней, и готов был отдать еще немало. Зашел в свой блог, + 400 просмотров. Кто вы, люди, и зачем это все читаете? Впрочем, как хотите.

Поезд. Самый стандартный поезд Москва – Питер. Он не стал тратиться на дорогой «Сапсан», деньги очень скоро понадобятся, ведь ему скоро предстоит переезд в другой город.

Питер, как он мог не любить его раньше? Уснуть было невозможно. Было нестерпимо жарко, ох уж эти совковые вечно душные вагоны. Саднило горло. Около трех часов ночи он понял, что заболел. Но почему именно сейчас, сейчас болеть нельзя! Только не сейчас. Да, организм банально не выдержал такой сверхнагрузки, он был тренированный и ко многому привык, но здесь сломался. Надо было срочно что-то делать. Но никаких лекарств с собой не было. Ну и ладно, это обычная простуда, продержится как-нибудь.

Часть 2

Санкт-Петербург, Россия

Ладожский вокзал. Сюда он приехал впервые, до сих пор он всегда прибывал на Московский. Она написала смс, что опаздывает, и ему придется подождать. Ох уж эти женщины. Покупать цветы он не стал, это было бы слишком банально, она не из тех, кто любит банальности. Он так и не придумал, что надо сделать при встрече. Хотелось обнять ее, но он боялся быть навязчивым, и так уже несется впереди паровоза, заваливая ее то блоготом, то признаниями.

Она подошла и мило улыбнулась. Обнять ее он так и не решился. Приехали к ней, он никогда раньше у нее не был. Он ушел в душ, а она приготовила завтрак. Брокколи. Как она узнала, что он безумно любит эту капусту? Они мило общались обо всем подряд. Говорил в основном он. Было легко. Но это была дружеская легкость. Но нет, дружбы ему точно не хотелось. Он и так тупил много лет. Вспомнить бы, когда же они все-таки познакомились? И почему, черт возьми, он не замечал ее раньше. Да, случай был тяжелым. Мало того, что он впервые испытывал столь сильные эмоции, так надо было еще как-то перейти самому и провести ее через мост, ведущий от дружбы к любви.

Она предложила пойти погулять. Погода дружелюбна не по-питерски. Решено ехать к Финскому заливу. О да, это так сопливо-романтично. Он точно знает, что надо там делать. Смущало его только одно: почему она делает вид, что не было никаких признаний, что она не читала его блог? Стесняется? Конечно, свалился как снег на голову и немедленно требует ответов. Ну, ничего, пляж и вино должны помочь. Всегда срабатывало. Эх, если бы не эта чертова простуда, все было бы гораздо легче. Предательски потекло из носа. Они на заливе. Красиво, тихо, спокойно и уютно. Снаружи. Внутри все было с точностью до наоборот. К ней на колено села божья коровка. Совсем крохотная. Он наклонился, чтобы рассмотреть ее поближе. Вот оно, отличный повод, чтобы приблизиться. Присел поближе, стал нести какую-то чушь. Надо всего лишь взять ее за руку, а дальше все будет совсем легко. Ведь именно за этим он сюда приехал. Это было бы логичнее всего, но он никак не мог решиться. Внутри поселилась какая-то жуткая неуверенность, откуда она вообще взялась? Почему так безумно вдруг начал сбоить внутренний радар, который всегда четко подсказывал, как, когда и в каких обстоятельствах надо действовать? Почему, мать его, он сбоят и не дает ответа? Впрочем, что он хочет, ведь такое с ним происходит впервые, наверное, радар просто еще не настроился на нее. Эта неуверенность и сдвигшийся радар были чем-то совершенно неестественным для него. Он так и не решился. Может, просто боялся отказа? Боялся, что не

переживет этого? Они уехали. Тусовка, общие знакомые, из носа нещадно текло, скрывать простуду дальше было просто бесполезно. Его напичкали всякими колдрексами, которые совершенно не облегчили его участь. Они сидят совсем рядом. Ему показалось, что она была бы не против, если бы он взял ее за руку. Но как это сделать на виду у множества общих знакомых, учитывая, что они с ней знакомы тоже не первый день. Да сколько же, черт возьми, они уже знакомы? Вечер прошел в мучительной нерешительности. Зачем пожаловала эта жуткая неуверенность? Почему ее не было с другими, почему сейчас, когда перед ним девушка мечты, идеал? Вот он, настоящий первый опыт! Получите, распишитесь. А ведь ему уже за 30!

Они уехали к ней уже под утро. Сил не было совсем. Последние забрала простуда и сбившийся радар, который так и не смог указать, что делать. Она стелет ему на соседнем диване. Еще не поздно. На самом деле еще можно подойти к ней и обнять сзади, ну а дальше... а дальше, всем известно, как это бывает. Радар проснулся и четко сообщил «Не делай этого!» Странно, а ведь это именно то, что ему хотелось больше всего на свете. Она постелила ему на соседнем диване, он с радостью туда грохнулся, отрубился мгновенно, что сильно удивило его утром. Он-то уж было приготовился страдать всю ночь и разрабатывать ехидный план о том, как перелезть к ней под одеяло. Может, все дело было в ее особенности, и где-то в глубине души он понимал, что такими

играми ее не возьмешь?

Воскресенье. Ему надо отлучиться по работе. Она снова ведет себя как ни в чем не бывало. Он померял температуру – 38,9. Жесть. Быть больным совсем не хочется, еще меньше хочется пугать ее своей болезнью, он боится, что так ударит в грязь лицом. Незаметно от нее сбил показатели градусника до 38, выпил очередную таблетку и поехал решать рабочие дела. Это было непросто, ох, как непросто! Тело хочет сдохнуть. Прямо здесь и прямо сейчас. Но он все сделал, продержался молодцом и даже виду не подал, насколько ему фигово, выдавливая из организма последние резервы. Закончив дела, он встретился с ней. Гуляют. Бесконечные питерские проулки, бесконечно одинаковые серые здания, бесконечные каналы, бесконечные мосты, бесконечное количество шагов по этой серости. Как же ему раньше не нравился этот город? Странно, ведь север всегда тянул его как магнитом, а тут северная столица, к которой он до сих пор почему-то был абсолютно равнодушен. Возможно, он просто не понимал этот город, не чувствовал его атмосферу. В его угрюмости было что-то настоящее, суровое, без притворства. Поужинали в какой-то забегаловке. Вновь встретились с друзьями. Что же предпринять? Вернулись к ней, сели смотреть какой-то фильм. Он все думал о внутреннем радаре и умолял его подсказать, что делать. Ну почему радар изменяет именно сейчас, впервые в жизни он вообще ничего не понимал в происходящем. Под утро легли спать. Каждый на свой диван. За-

сыпая, он почувствовал, что простуда отступает. Это очень даже хорошо, значит, завтра он обязательно что-то придумает, это не радар виноват, виновата во всем чертова простуда, превратившая мир в непроглядную вату. У него еще есть время что-то предпринять, завтра еще целый день, обратный поезд только поздно вечером.

Проснулись, пожелали друг другу доброго утра. Завтрак. Прогулка. Встреча с друзьями. Хорошее самочувствие и настроение. Вот только незнание, что же предпринять, так никуда и не ушло. Еще один день мучений, еще один день попыток совладать с собой и вспомнить, как надо влюблять в себя девушек. Нет, все не то. Все казалось невероятной глупостью и чушью. Метро. Они едут на вокзал, чтобы посадить его в поезд. До поезда остается ровно полтора часа. Надо что-то делать. Он набрал побольше воздуха и все-таки выдохнул, спросив, есть ли у него шансы. Ничего лучше просто не смог придумать. Она ответила жестко и с какой-то издевкой, что нет у него ни вариантов, ни шансов. Эскалатор ползет вверх, а он не знает, куда девать свой взгляд, свои руки и что надо говорить. Просто кивнул. Эта издевка в глазах... Как же сильно она долбанула по нему, захотелось стать тараканом и куда-нибудь уползти! Он хотел спросить, зачем же тогда она позволила ему приехать, зачем она делала вид, что ничего не замечает? Да что тут замечать, когда он все сказал прямым текстом. Но все это он так и не спросил. Он знал главное: ему дали четкий ответ. И пусть ответ был от-

рицательным, зато теперь он сможет спокойно спать, один спать, без этой тупой надежды. Он сможет восстановиться, уже давно пора начать восстановление. Все, что он смог сделать в ответ на эту издевку в глазах, – улыбнуться.

Поезд Питер – Москва, верхняя полка, радостные смс-ки с пожеланием доброго пути, она вместе с другими стоит на перроне и по-прежнему делает вид, что ничего не происходит. Он тоже делает такой вид. По крайней мере, очень надеется, что у него выходит похоже. Спать не хочется совсем, но и думать о ней больше не имеет смысла, к чему этот мазохизм? На нет и суда нет. Захотелось куда-нибудь уехать. Прямо с вокзала перепрыгнуть в другой поезд и уехать туда, где можно переключиться. Куда-нибудь в горячую точку. Он был там. Да, это было подходящим местом, чтобы переключиться. И эффект был бы не из-за кучи трупов и прочих ужасов войны. Так он бы выбил клин клином. Там легко переключаешься и принимаешь новые правила игры, живешь по ним, работаешь по ним, дышишь по ним, беспрекословно подчиняясь. У тебя одна цель – сделать свою работу и остаться в живых, больше ни о чем не надо думать, вообще ни о чем. Именно момент отсутствия необходимости думать о чем-либо постороннем притягивал сейчас больше всего. Одна проблема – вернуться. По возвращении очень сложно опять переключиться обратно. Ты едешь в метро и видишь расслабленных людей, но сам ты уже не можешь стать таким. Ты удивляешься, когда видишь людей без оружия, когда ви-

дишь целые дома, а не разбомбленные танками руины, ты можешь позвонить в любое время кому захочешь, т.к. здесь не глушат сотовую связь и не ограничивают десятую минутой разговоров в неделю по спутниковому телефону, тут нет блокпостов через каждый километр дороги, ты можешь по нужде свернуть в кусты без опаски подорваться на mine, здесь не знают позывных, здесь даже не знают, что это, здесь можно свободно перемещаться, и никто не перекрывает дороги, не отменяет рейсы, тут вообще можно ходить без документов. Тут, если пропадешь на пару дней, тебя не объявят в федеральный розыск, здесь нет паники в глазах при слове «зачистка», здесь люди не знают, как надо себя вести, если твоя машина подорвалась на фугасе. На детских садах тут чебурашки, а не предупреждающие о минах знаки. Тебя никто не трясет за ворот с мольбами о помощи. Здесь никто не пытается тебя убедить, что он вовсе не враг. И как ни парадоксально, ты хочешь вернуться туда, ты не хочешь здесь находиться. Здесь все кажется каким-то ненастоящим, а самое главное, что эти люди тебя не понимают. Они не понимают твоей суетливости, не понимают, почему ты, словно сжатый кулак, всегда наготове. Сам-то ты чувствуешь себя героем, оттого что такое пережил и такое видел. А людям по большому счету просто наплевать. Становится очень обидно. Ты стараешься кучковаться с теми, кто это пережил, кто понимает, с кем-то, кто тоже считает, что люди вокруг чего-то не понимают, не понимают главного. При этом нет ни-

какой агрессии, нет запоев, нет желания набить кому-нибудь морду и прочих атрибутов, которые описываются в книгах и показывают в фильмах. Ты просто хочешь выглядеть героем, а тебе вслед говорят, что ты идиот. Может быть, у кого-то и случаются надрывы, как в фильмах, но это скорее исключение из правил. Внешне эти люди ничем не отличаются от едущих в метро, просто внутреннее состояние никак не хочет стабилизироваться и вернуться в исходную точку.

Он услышал четкий ответ, это было самым важным, со всем остальным он справится, не может не справиться. Главное, что теперь он все знает. Москва. Прямо с вокзала на работу. За все это время перед ним накопилась невероятная гора всяких дел. Оно и не мудрено, ведь в этой погоне за счастьем он забыл и забил на все остальное. Хорошо, что есть эта гора, она займет мысли и тело. Прямо сейчас эта гора кажется неприступным монолитом, но если внимательнее посмотреть, то становится ясно, что она состоит из небольших кирпичиков, разобрать которые не так и сложно. Гораздо сложнее начать, оторвать себя от дурацких мыслей, засевших опухолью в мозгу, и перейти к делам насущным.

Дома

Весь день он посвятил работе, впервые за это безумное время. Работа оказалась бальзамом, вполне пригодным для восстановления душевного равновесия. Безумно хотелось спать. Силы остались только на то, чтобы добраться до кровати. Он зашел домой, включил комп, залез в свой плей-лист и никак не мог заставить себя все выключить и наконец-то уснуть. У него частенько бывало такое, когда, безумно уставший, он не мог лечь спать просто потому, что очень привязан к своему плей-листу. Просто взять и выключить музыку казалось каким-то предательством. Так и крутилась полночи мешанина из джаза, блюза, психоделики, какого-то жесткого рока и мягкого лаунжа. По большому счету абсолютно пофиг, что там намешано, в этом плей-листе, но он только твой, он помогает, он успокаивает, или, наоборот, бодрит. Да, пожалуй, разделить с кем-то свой плей-лист для него было чем-то вроде обручального кольца.

Утро, он дождался ее онлайн и начал диалог.

Он:

неловко как-то вчера все вышло, ты уж извини, но мне нужно было расставить все точки над и)) лан, закрыли тему

Она:

расставились? мне вот что-то не по себе как-то(

Он:

в смысле не по себе? с тобой-то чего вдруг?

Она:

да не знаю

виноватой себя чувствую

Он:

виноватой в чем?)) да ну брось

мне в любом случае очень понравилась поездка)) очень надо было мозги проветрить

Вернулся к работе, котировки не могли ждать, когда же он обратит на них внимание. Домой. Все по знакомому сценарию: ужин – прогулка с собакой – дом. Уже за полночь, а он снова никак не мог расстаться со своим плей-листом. Борясь с собой, все-таки зашел на ее страницу. Там вверху стоял статус «не над всеми и надо ставить точки». Этот статус мог увидеть только тот, кто заходит к ней на страницу. Что это, зачем это? Этот статус стал для него словно укол морфия. Значит, еще не все потеряно? Значит, у него еще есть шанс? Главное, не быть навязчивым, навязчиво думал он, пусть все идет своим чередом. Лег спать. В кои-то веки даже уснул.

Все-таки не все потеряно, эх, а он уже взял билеты на ближайшие выходные в Амстердам. Ничего, он сможет в любой момент их сдать и уехать в Питер.

На следующий день он с трудом дождался ее появления

в онлайн, очень уж хотелось поговорить. Разговор начался опять ни о чем, о погоде, о природе и о прочих совершенно не нужных вещах, должных привести к чему-то важному. Разговор закончился ни о чем, на дружеской ноте. Это неудивительно, ведь они по-прежнему всего лишь друзья. Правда, это уже друзья, а не приятели, к коим он ее относил еще недавно. Он так и не решился задать главный вопрос: зачем этот статус? Да и к чему эти вопросы. Видно же, она сомневается, она дает шанс, и тот ответ в Питере всего лишь ошибка. Так бывает, когда на человека слишком сильно налегают, а он налег неслабо так. Конечно, ей нужно время. Он даст ей это время, сколько угодно. Он может ждать долго, невероятно долго, ждал же он как-то ее все эти годы, и ничего, подождет еще. На самом деле ждать совсем нетрудно, главное знать, зачем. Он знал зачем, там впереди маячило счастье. Он больше не будет задавать прямых вопросов. Не будет ровно до тех пор, пока не почувствует, что она готова. Ну, или до тех пор, пока она сама не скажет прямо. Он продолжил вести блог, но теперь с оглядкой на то, что и она это может прочитать в любой момент. 981 просмотр. Это явно была не только она, ведь лишь при новой записи блог становился желтым. Смысл читать, когда он болтался в черно-белом цвете? Его по-прежнему читали молча, если не считать двух комментов, которые он просто проигнорировал. Этот блог был посвящен только одному человеку.

Обмен приветствиями уже под конец рабочего дня.

Он:

я убегаю))) домой, пока отпускают)) через час снова зайду, надеюсь, ты еще будешь)) мне только от компа до компа добежать

Она:

давай))

может, еще не сбегу снова к тому времени

Он залетел домой, помчался к компьютеру, даже не разувшись.

Он:

сбежала(((

21:15

эх... сиюзу, жду... может, еще и прибежит

23:48

уж полночь близится, а германа все нет... И на улице гроза, пичалька

00:52

интересно, как ты там?

01:12

пойду за пивом схожу... так легче ждать

02:41

пиво и семки, респект вам и уважуха

Она:

привет)

Он:

oooooooooooo, уж и не чаял))))))))))

Она:

ну, скока уже пыва выпил?)

Он:

да только начал)) присоединяйся))

Она:

черт) а у меня нету) и семки кончились

Он:

блин((как бы баночку для тебя телепортировать?
а магазины есть рядом?

Она:

предлагаешь устроить пивную вечеринку?))

Он:

ага)))

зря я что ль уже все глаза за это время перед монитором
сломал))

Она:

мм) ну тогда пропадаю снова минут на 20

Он:

давай, что такое 20 минут, я тут с 8 вечера тебя под-
жидаяю))

Очередной диалог, легкий, приятный, волнующий. Снова рассвет. Ох уж эти сетевые романы, ох уж эти междугородные отношения. Как много о них написано, как же это все банально, но эта банальность не становилась для него менее

сладкой.

Заговорили про отношения. Он рассказал ей о своей бывшей жене, с которой почему-то прожил почти шесть лет. Рассказал, почему ушел и как это произошло. Он знал, она понимает его, просто понимает. Она тоже рассказала про своего последнего. Сказала, что тоже не понимает, почему они были вместе, ведь она интроверт, а он не понимал ее молчания. Сказала, что, решив расставить точки, просто уехала на неделю с друзьями на море, не сказав ему ничего. Бывший заваливал ее письмами, смс и звонками, ей было очень жаль его, но она нашла в себе мужество не отвечать.

Он хотел написать ей, что она своим исчезновением и игнором устроила для бывшего суцую каторгу. Ведь так нельзя, ведь человека в таком случае могут раздавить собственные мысли, что надо было просто встретиться или хотя бы написать, что они больше не могут быть вместе. Но вместо этого он написал: «Ох уж эти мужчины».

Какое он имел право судить ее? Кто он вообще такой, чтобы лезть в ее бывшие отношения, они бывшие, и отлично. Откуда у людей вообще такое желание все время поправлять других? Видимо, это дает какое-то чувство превосходства. Помогает показать, я хороший, потому что я знаю, как правильно. На фоне тебя, который не знает, как правильно, я просто белый и пушистый, а ты лох педальный.

Пятница, нет на эти выходные он не поедет в Питер, еще слишком рано.

Гаага, Нидерланды

У каждого уважающего себя города должна быть набережная. Или хоть какой-то водоем. Обычно она не нужна местным жителям, но необходима приезжим. Без набережной город становится безликим и пустым. Вода все облагораживает, даже промышленные центры. Была у него такая традиция – в каждом новом городе находить набережную и обязательно выкуривать там сигарету. Это было с ним под проливным дождем, в жуткий мороз, в дикую жару. От этого ритуала отказаться он никак не мог. Вот и сейчас пробивался к воде через стандартную набережную, провонявшуюся фаст-фудами и кафе с завышенными ценами. Северное море, он давно хотел ощутить его соленые брызги. Когда он думал об этом море, то всегда представлял себе шторм, невероятную силу волн, которая начинается где-то далеко от берега, а потом доходит до суши и с шумом рушится о камни. Ему давно хотелось встать у этих камней и кожей лица впитать эти брызги, пропитанные солью, водорослями, рыбой, льдом. Он хотел ощутить на себе всю его мощь. Чтобы от пронизывающего ветра слезились глаза, краснела кожа, а тело дрожало от холода. Почему его всегда так тянуло в какие-то суровые холодные места? Почему ему всегда было плохо на юге? Неужели проблема лишь в том, что он очень хреново переносит жару? Нет, дело не в жаре. Просто юг слишком аляповат

тый, многочисленные краски сливаются в какое-то невнятное пятно и теряются; юг слишком криклив, там почти всегда и везде слишком много людей, создающих шум, активно жестикулирующих, пытающихся навязать какой-то разговор. Юг слишком назойливо лезет в душу. Конечно, север не был таким радостным, точнее он был совсем безрадостным и серым. Но это его привлекало куда больше, чем бушующие южные страсти. Успокоить его мог только север.

Северное море оказалось совсем не таким, каким он себе его представлял. Здесь не было камней, полный штиль, мирно гуляющие люди и собаки. Чем-то похоже на Питер. Разве что таких туманов он в Питере никогда не видел. Туман был настолько сильный, что становилось трудно дышать. Зато он мог ощущать этот природный смог всеми легкими. Ему нравилось, как внутренние органы впитывают в себя эту вату, образуя во рту солоноватый вкус. Обратное он возвращался уже в спокойном состоянии, удалось унять внутреннюю дрожь. Хорошо, что у него не было свободного доступа в Интернет. Простенького мобильного вполне хватало для повседневных нужд, он сознательно избегал всех гаджетов и устройств, позволяющих выходить в Сеть из любой точки мира. Так он мог избежать этой паутины, урывая что-то из наступающей на душу урбанизации.

Часть 3

Дома

Как только он зашел домой, конечно, тут же включил компьютер и полез на ее страницу. Новый статус: «Может быть, когда-нибудь...». От безмятежности, которой он так радовался еще несколько часов назад, не осталось и следа.

Этот статус стал очередным приливом, внутри вновь все заиграло. Он позвонил ей. Услышал сухой голос и короткие ответы о происходящем с ней. Была ли она рада услышать его? По голосу этого не скажешь, в голосе звучало какое-то раздражение, хотя прямых вопросов он не задавал, так, поговорили ни о чем. Он хотел рассказать ей о Северном море, но не стал этого делать, побоялся опять почувствовать себя идиотом. Повисло молчание, он только узнал, что в выходные она была на выставке художников, которая ей понравилась. Но что именно, не уточнила.

Положил трубку, снова зашел на ее страницу, прочитал: «Может быть, когда-нибудь...» и вновь стал носиться, как угорелый, по квартире. У него был шанс, ему дали еще один шанс! Главное, не давить на нее и ничего не требовать, он постарается не облажаться, он будет стараться изо всех сил! Он будет делать то, что хочет она, ждать молча! По край-

ней мере, ему казалось, что она хочет именно этого. Ведь не просто так она никогда не начинает общение первой, но при этом статусы... эх, статусы... Она думает, может быть, боится, но он сумеет дождаться какой-то конкретики, не беспокоя ее, дав ей время. Он просто замолчит.

Однажды ему сказали: «Твоя проблема в том, что ты все начинаешь с нуля. Ты не можешь продолжать, ты не можешь просто исправить ошибку. Тебе надо все разрушить и начать заново». Да, это было правдой. Он любил ставить кресты и сжигать мосты. Но теперь все будет по-другому. Он будет терпелив, не станет ничего разрушать, он просто будет ждать ответа.

Наверное, он сможет стать стабильным и внутренне спокойным. Даже перестанет опаздывать. Он научится спать по ночам и ограничивать ход мыслей. Наверняка сможет жить ровно. Хватит уже этих бесконечных швыряний из одной пропасти в другую. Как он до сих пор не пропал в этих пропастях? Или все-таки пропал?

Пошли гулять с собакой. Порадовали влюбленную парочку репетицией трюков. Вернулись домой, с трудом отодрал с подушечек лап семена липы. Решил перечитать «Защиту Лужина» Набокова. Вот ведь парадокс, ведь на самом деле великие писатели не открывают чего-то нового. Ты читаешь произведение и понимаешь: да, ты все это уже знал, этот так и могло быть, только так. Даже если лично с тобой ничего подобного не происходило. Наверное, сила писателя в един-

ственном – описать это так, как не сможет кто-то другой. Он просто переводит на человеческий язык какие-то прописные истины.

Прошел еще день. Еще день связывания себя цепями молчания, он по-прежнему больше всего на свете боялся быть навязчивым, его рвало на куски от желания примчаться к ней, но очень важно в такие моменты найти в себе силы для сохранения хладнокровия вопреки бурлящему потоку внутри. Она удалила статус и заменила его на что-то абсолютно нейтральное. Это немного резануло, он задал вопрос, почему она удалила предыдущую запись? Получил ответ: статусы она меняет довольно часто, почему бы и нет. Больше он ничего не спрашивал. Стало понятно, что она затеяла какую-то игру, главное правило которой – не задавать прямых вопросов. Что ж, хочет поиграть – поиграем. Он был готов играть до тех пор, пока она не созреет для окончательного ответа.

Все, что он может сейчас. – попытаться вернуться к прежнему образу жизни и терпеливо ждать. Она знает, как его найти, и обязательно сообщит, как только примет решение. Начнет диалог, позвонит или напишет смс. Но сама, он больше не будет делать первый шаг. Но она ведь все равно знает, что он прибежит к ней по первому зову, бросив все. А сейчас ему надо как-то продержаться в этом урагане, который швыряет его от отчаяния в надежду и обратно.

Решил уйти в работу с головой. Даже согласился взять подработку, хотя необходимости в этом не было. Предсто-

яло взять интервью у одного известного актера. Вообще-то ему всегда было чуждым общение со знаменитостями, потому что поставленная цель никогда не будет достигнута. Как и в любом портрете, здесь очень важно раскрыть человека. Но публичный человек никогда не будет раскрываться полностью перед неизвестным ему человеком, еще и для интервью. Не будет. и все тут. С простыми людьми проще, к ним легче найти ключик – с кем-то опрокинуть стопарик, кем-то восхититься, кому-то просто помочь решить бытовые проблемы. В общем, таким людям было довольно легко доказать, что он свой, что ему можно доверять. Со звездами совсем иначе. Ты прекрасно понимаешь, что становишься лишь катализатором, проводником этого человека к кому-то, к кому он хочет обратиться. Как правило, это фанаты, реже – близкие люди, друзья. Тут нет цели раскрыть человека, это нереально. Тут главное – уловить то, что он хочет сказать, и передать это дальше.

Работа не помогала, ничего не помогало. Она поселилась в его мозгу окончательно. Он думал о ней всегда, строил диалоги, представлял их вместе в разных ситуациях. С утра и до утра она была с ним. Он не мог спать, максимум, что удавалось – урвать у Морфея хоть пару часов. Засыпал он в ее объятиях, просыпался тоже, ехал с ней на работу, работал с ней, веселился с друзьями.

Он прекрасно понимал, что самое важное – совсем не мечтать, не строить в голове воздушных замков. Тогда Все-

ленная каким-то чудом устраивает все как нужно. Но как было трудно сдержаться. Очень трудно, замки возводились сами собой какой-то невидимой рукой. Разрушить их было подобно смерти. Как только он пытался это сделать, подкатывал комок к горлу, и все время хотелось плакать. Казалось, что жизнь не должна быть такой. Ну почему это все происходит именно с ним?

Надо было уехать. Снова куда-нибудь сбежать, попробовать переключиться. Он набирает номер и договаривается с собачьей передержкой. Ему ни перед кем не было так стыдно, как перед собственной собакой. Конечно, то, что можно купить за деньги, он покупал: лучшее ветеринарное обслуживание, корм суперпремиум-класса, специальные собачьи головоломки из Америки. Но он мог купить не все, он не мог купить время для этой собаки. Свое время. И тогда он понимал, что собака порой стоит не на первом месте в шкале ценностей. Он уходил в загул и мог вернуться только под утро. Ему было безумно стыдно смотреть в эти собачьи глаза, на этот виляющий хвост, на эту щенячью радость, незамутненную ни ревностью, ни скандалами из серии «где ты шлялся?», ни молчаливым игнором. Лучше бы собака устроила ему скандал, лучше бы завопила: «Как тебе не стыдно, я тут голодная и невыгулянная!». Но вместо этого животное весело виляло хвостом, искренне радуясь, что он все-таки пришел. Ни один человек, посланный им на хуй, не мог вызвать столько стыда, как собака в этот момент.

Олессун, Норвегия

Ему понравился этот город. Он манил к себе не только красотой и уютом, но и стабильностью. Благодаря Гольфстриму здесь почти круглый год +12-14. Только в январе температура может опуститься до нуля. Так же этот город был стабильно серым, стабильно дождливым. Дождь почти каждый день, ничего не меняется. Но, несмотря на стабильность, этот город оставался настоящим. С людьми совсем по-другому. Как можно быть всегда одинаковым? Он знал весельчаков, у которых всегда хорошее настроение. Знал и тех, кто вечно всем недоволен. Хотелось подойти к ним и потрогать, чтобы убедиться, живые ли они, настоящие или какие-то роботы, живущие по определенной программе и не способные выйти за рамки этой программы.

Он записался на экскурсию. Ему пообещали фотосафари по Атлантическому океану. Что ж, звучит заманчиво. Резиновая лодка несется по водной глади. Океан, он притягивает и пугает одновременно. Задумался: что будет, если он вдруг свалится за борт? Сможет ли вытащить свое тело на поверхность, что с ним станет в этой воде, в которой способны выжить лишь немногие морозоустойчивые особи. Их очень мало, это не юг, пестрящий разнообразием видов, здесь могут жить лишь единицы. Моросит дождь. Ледяной, царапающий кожу. Нет, если он упадет за борт, океан его не пощадит,

скует холодом все тело, обездвигит и медленно заберет себе. Он увидел на поверхности огромных медуз, на каменных островках множество различных птиц. У них нет яркого оперения. Выделяется только красный нос тупиков. Позавидовал им: они не склонны к самоедству, им достаточно питаться рыбой, им достаточно просто жить. Впереди показались морские котики. Небольшие тела, распластанные где-то на краю земли.

Мысли вновь вернулись к соцсетям. Когда он там был последний раз, лента пестрела перепостами с призывом остановить убийство дельфинов на Фарерских островах. Описывались какие-то ужасы, все это подкреплялось иллюстрациями красного от крови моря.

Фарерские острова, они ведь совсем рядом. Достаточно добраться до Бергена и сесть на паром. Он отказался постить информацию об убийстве гринд на Фарерах. Решил взглянуть на это из других источников. Ну не верил он в тупую жестокость и кровожадность фарерцев, он уже давно понял, что мир не черно-белый. В соцсетях писали, что для них убийство гринд просто ритуал, когда мальчик становится мужчиной. Оказалось, что ничего подобного. Такие нации, как фарерцы, никогда не возьмут больше, чем им нужно. Они убивают гринд раз в год, не было никакого ритуала для мальчиков, это была их еда, годовой запас пищи, не выбрасывалось почти ничего. И убивая своими руками, фарерцы поступают куда честнее, чем житель мегаполиса, который оплачива-

ет убийство, покупая мясо в магазинах. Да, он сам не убивает, он не видит, как гибнут животные, не видит окрашенную в красный цвет бойню, пропитанную болью и страданиями. Житель мегаполиса даже не желает думать об этом. А ведь он, в отличие от фарерцев, забирает гораздо больше, чем ему действительно нужно.

Дома

По возвращении он, конечно же, включил компьютер. На ее странице висел статус «скучаю». Он тоже скучал, очень сильно скучал. Хотел написать ей об этом, еле сдерживался. Но знал, что правила игры нарушать нельзя. Он знал, что стоит написать ей прямо, как она уйдет в офлайн, проигнорирует. Он запомнил эти правила. Только намеки, старательно уложенные в статусы. Можно только так, по-другому нельзя, по-другому он будет чувствовать себя идиотом, которому все показалось. Нашел какую-то песню, где молодой человек пел, как сильно он скучает. Запостил.

За время игры он научился препарировать каждую песню, он вычленил слова и фразы, находя в них подтверждение своим догадкам. Это было невероятно трудно, ведь до сих пор он этого не делал, хватало общей атмосферы песни, а это ковыряние отнимало что-то очень важное, отнимало целое. Он знал, что многие музыканты предпочитают не называть себя поэтами, а делают акцент на музыке. Но было видно, что человек, желающий передать свое настроение с помощью песни, непременно ориентируется на слова.

Большинство современных людей совершенно не умеют выражать свои эмоции. Максимум на что они были способны, это постить свое настроение с помощью чужих цитат, чужой музыки, чужих фото. Искренне люди могут выразить

только агрессию. Комментарии под какой-нибудь несправедливостью просто убивают. Люди готовы разорвать виновника голыми руками, посадить его на кол, четвертовать. Эти комменты просто горели невероятно сильной агрессией и ненавистью, люди даже не пытались как-то ее заглушить или заглянуть чуть глубже. Им нужна была красная тряпка, и они на нее бросались. Эти комменты порой были гораздо несправедливей и ожесточенней, чем сам проступок.

Почему-то ему было стыдно играть в статусы у себя на странице: ему казалось, что они слишком прямые, он не умел зашифровывать послания так же, как она. Но у него был блог, это спасало. Там он мог писать все что угодно. 1049 просмотров. 1049 безмолвных просмотров.

Он вынашивал планы об увольнении. Начальник – дебил полнейший, который не понимает и не ценит своих сотрудников. Однажды он не выдержал, вылил на него все то говно, что так долго копилось. Да, высказал все, что давно хотел сказать, не стесняясь в выражениях, ведь терять уже было нечего. А потом ушел, громко хлопнув дверью... Все это было лишь в его мечтах. Он не мог себе позволить уволиться сейчас. В голове зрел план о переезде в Питер. Он сделает это как бы невзначай. Почему бы и нет? Так он будет к ней гораздо ближе, оттуда будет легче подобраться к ней. Они будут общаться в реальности, а не с помощью статусов. Они будут гулять в их общей компании., А там будь что будет. В принципе, почему бы не пойти на это? Что держит его в

Москве? За эти месяцы он так полюбил Питер, его тянуло туда каждую пятницу, так зачем сопротивляться? Надо же иногда и менять что-то в жизни.

Как он оказался в Москве, почему здесь, ведь к Москве он всегда был достаточно равнодушен? Просто в родном городе он однажды потерял все. Все, чем жил, что было так дорого. Тот период стал сплошными похоронами идей и надежд. Вот ведь парадокс: жил-то он тогда исключительно работой, работой на себя, не на дядю Сэма. Разве можно было так заикнуться на ней, что закрытие его дела стало для него концом всему. Он больше ничего не хотел, кроме как полоснуть ножом по венам и наблюдать, как кровь струится, утекая вместе с его болью, мыслями и самой жизнью. В ближайшем магазине он купил бутылку водки, пришел домой и выпил ее почти залпом. Еды не было, над ним нависла финансовая жопа во всей своей красе. Водку пришлось запить водой из-под крана. Наутро он думал, что умрет, не было сил даже на то, чтобы жалеть себя и плакать о несостоявшейся жизни. Сутки он пролежал, что-то выискивая в белом потолке, надеясь то ли умереть от похмелья, то ли выжить несмотря ни на что. А потом он взял атлас с городами, ткнул пальцем и решил ехать туда, куда легла фишка. Это был провинциальный городок Ч. Ехать туда совсем не хотелось. После взлетов в этом мегаполисе, после всего, чего он тут добился, после стольких приятных дней, проведенных с близкими, после такого тщательного изучения и принятия

этого города, внутри он не был готов сдаться. Но фишка легла, ничего не попишешь. Тогда он еще не понимал, как же ему хорошо будет в этом провинциальном тихом городишке, как же легко там дышать, как же хорошо его там примут. Он еще ничего не знал о великолепных озерах, старенькой, но такой родной центральной площади, уютной кафешке, которая словно списана с будней героев голливудских фильмов. Да, там было хорошо, и потом уже не хотелось уезжать оттуда. Примерно через год городишко практически задушил его своим уютным шарфом, он четко понял: надо делать ноги, пока он не возненавидел этот город. Так он и ломанулся в Москву. И что теперь? Опять переезд? Хм, а ведь это будет уже шестая смена города в его жизни. Не многовато ли? Впрочем, в самый раз. Чего сидеть тухнуть. Набрал номер старого знакомого, с которым когда-то вместе работал. Тот предложил ему теплое местечко редактора. Правда, оно освободится лишь через четыре месяца. Он согласился, понимая, что сильно терял в зарплате. Осталось найти квартиру, закончить здесь все дела и вперед к новой жизни.

Какой она будет, эта новая жизнь? Будут ли они вместе, не мерещится ли ему все это? Может, это просто иллюзии, а окончательный ответ был там, на эскалаторе? Он сомневался, как же он сомневался. Было очевидно, что почти все, выложенное ею, кому-то посвящается. Но как понять, ему или кому-то другому? Как понять? Он написал об этом в блоге. Ответ пришел почти сразу. Конечно же, на ее стене. Она

выложила очередную песню, которая не оставляла сомнений – это ему. Она читала его блог! Читала молча, как и другие. Она следила за ним. Реагировала на статусы, увидеть которые можно, только зайдя на его страницу. Она следила: он чувствовал, как она выискивает информацию, тайно, боясь спалиться, делая вид, что она не делает ничего подобного. Но он-то знал, знал точно. Вообще-то он не был против, только не понимал, зачем это нужно. Ведь она совершенно спокойно могла задать ему любой вопрос в любое время. Зачем ориентироваться на какие-то фразы, которые могли быть лишь выплеском или сиюминутным настроением, никоим образом не говорящим о том, что на самом деле происходит внутри. Неужели эти поиски черной кошки в темной комнате для нее так важны? Что ж, пусть ищет, он не против, раз ищет, значит, ей не все равно. Он будет продолжать тешить себя надеждой, что когда-нибудь они обязательно встретятся. Может быть, совершенно случайно. И, может быть, совершенно случайно фишка ляжет так, как надо.

Зашел в свой блог. Написал об очередном прыжке с парашютом. Описал самое острое, что есть в этом увлечении – кувырок из самолета. Через пару часов опять залез к ней на страницу. В списке хобби стояли парашюты. Но ведь он точно знал, что за ее плечами нет ни одного прыжка. Не выдержал, снова написал.

Он:

привет)))

Она:

да

Он:

тоже подсела на небо?))

Ушла в офлайн. Как обычно. Что и требовалось доказать: его считают недостойным идиотом. Эти игры вынесли ему мозг окончательно. Он не понимал, зачем они нужны? Если она не уверена в своих чувствах, то почему нельзя сказать об этом прямо? Он бы понял, он вообще много чего способен понять. Почему она так сильно боится открыться, боится его? Откуда в ней эта неуверенность, с такой легкостью передающаяся ему? Из-за этих игр его внутренний радар окончательно пришел в негодность. Он уже ничего не понимал: где настоящее, а где игра, хочет ли она что-то сказать выложенным посланием или она написала без всякой задней мысли, без мысли о нем? Внутри поселилось как-то жуткое желе, которое все время тряслось и никак не хотело стабилизироваться. Это было невыносимо. Он не знал, кому и чему верить – ее статусам, своему сердцу или мозгу? На радар надежды больше не было. Если она к нему ничего не испытывает, зачем тогда дает эту тупую надежду? А если дает надежду, значит, все еще возможно? Тогда почему не говорит прямо? Комплексы? Конечно, комплексы, бедняга, досталось же ей, наверное. Ничего, она сможет с этим справиться, он по-

может.

Он опять вспомнил свое детство. Очень обидное воспоминание. Он плакал и очень хотел на ручки. Но, видимо, в тот момент родители посчитали это капризом и решили взяться за воспитание. Он плакал, тянул свои ручонки, а его игнорировали. Он бы очень хотел им объяснить, что это не каприз, не прихоть и не попытка подчинить себе родителей. Это обида. Обида из-за того, что его не слышат и не понимают. Хотелось простого тепла, хотелось уткнуться в мамин свитер. Но его игнорировали. Обида только нарастала, плач усиливался. Потом он понял, что его все равно не услышат и не поймут. Он перестал плакать. Родители могли торжествовать над маленьким существом. Они победили, а он в тот момент понял, что лучше вообще не просить поддержки. Потому что если показывать, что тебе плохо, могут не услышать. И тогда будет еще хуже, еще больнее. На черный комок внутри ляжет еще один – страшнее и чернее. Имя ему – непонимание. Лучше все держать внутри.

Сейчас было примерно то же самое. Он не покажет ей свою боль и замолчит. Навсегда.

Из-за сломанного радара и жутчайшей внутренней какофонии он начал полагаться только на монетку. Если он в чем-то сомневался, а сомневался он теперь во всем и всегда, достаточно было ее подкинуть и получить ответ. Эта монетка заменила ему все – внутренний радар, разум, чувства. Она стала спасательным кругом в море сомнений. Он понимал,

что это неправильно, что так не должно быть. Но успокаивал себя знаком зодиака: что поделать, коль ему судьбой предначертаны вечные сомнения. Странно только, что раньше ничего подобного не было.

Они перестали общаться. Общение заменила игра в статусы. Он не знал, что писать, он упорно не хотел прикрываться чужими цитатами и песнями, а своего уже ничего не осталось. Почти две тысячи просмотров в его блоге. Без регистрации на сайте читать его невозможно. А он даже не знал ее ника, и вообще не мог видеть, кто его читает, кто эти загадочные читатели. Он не хотел писать, искренне не хотел ничего писать. До сих пор он и не понимал, насколько может быть болезненным рождение каждой строчки.

В конце концов, рассудок победил, приказал сворачивать эту игру. Он чувствовал, что уже на грани нервного срыва, он не знал, что думать и как действовать, он на полном серьезе боялся загреметь в дурку с какой-нибудь паранойей. Почему она не дает прямой ответ, ведь это так просто! Мир вообще устроен очень просто. Но людям, видимо, скучно живется, поэтому они всеми фибрами души стараются все усложнить.

Это была просто дикая усталость. До такой степени, что раздражало все вокруг. Он заводился, если ему кто-то звонил и приглашал на день рождения. Малейшее замечание выводило его из себя, даже если оно было справедливым.

Юрмала, Латвия

Почему-то уборные в гостиницах всегда пахнут одинаково. В любой стране, в любом городе. Эта неестественная свежесть, эти вечно белые и жутко колючие три полотенца, тщательно сложенные, это дешевое мыло. Такое ощущение, что все полотенца во всем мире стирают одним порошком, а сантехнику чистят одним средством.

Обнаружил на руке длиннющий волос. Время от времени он находил их и никак не мог понять, откуда они берутся. Как же так получается, что среди мелких, одинаковых и еле заметных волосков вдруг вырастает что-то длиннущее, тонкое и противное. Он всегда вырывал такие волоски, шансов у них не было никогда. Он представил, что этот волос и есть игра, навязанная ею. Игра, на которую он зачем-то подписался. Резко дернул, волос остался между пальцами. Как же легко! Неужели ему удалось?

Ему удалось прервать внутренний диалог с человеком, которого он любил. Он твердо решил: никаких соцсетей, никаких поисков встреч, ничего больше, точка. Облегчение пришло, но совсем ненадолго. Почти мгновенно ему стало так тяжело, будто кто-то положил ему на грудь огромную бетонную плиту. Внутри не осталось ничего живого, было тяжело дышать, он опять не мог уснуть, слишком уж тяжела была эта плита, совсем не похожа на теплое, уютное одеяло, которого

он так ждал в надежде, что когда-нибудь сможет выбросить ее из головы. Выбросил, но почему же нет облегчения?

Дома

Ему надо с кем-то поделиться этой ситуацией. Он больше не мог справиться с ней в одиночку. Ему нужен был совет. Позвонил другу, тот сообщил, что сейчас очень занят, но обязательно перезвонит. Не перезвонил. В другое время он бы просто не придавал этому значения. Он набрал номер ближе к вечеру и предложил встретиться. Друг сказал, что посмотрит, во сколько освободится, если что, то перезвонит. Резануло, больно резануло. С каких это пор он стал таким чувствительным и обидчивым? Тут же вспомнились все ссоры и обиды, накопленные претензии. Он не толстокожий носорог, нельзя так просто обещать перезвонить и не сделать этого! Впрочем, друг-то ничего не знает. Знал бы, тут же все бросил и примчался.

Ему надо было позвонить старому приятелю, которого он когда-то считал своим другом. От дружбы уже давным-давно не осталось и следа. Приятель этот был довольно заносчивым, с понтами с пятиэтажный дом. Он не понимал, какой смысл этому приятелю понтоваться перед ним, ведь они знакомы с первого курса университета. Приятель предпочел отмести всех, кто его хорошо знает, и заменил его и других на тех, которые преданно смотрят в рот, которые его обожают и считают чем-то вроде божества. Одна проблема —, эти люди не могли разглядеть настоящего приятеля. Но, види-

мо, такое положение дел приятеля устраивало, а он не знал, как пересилить себя и набрать его номер. Он надеялся, что этот приятель уже поменял телефон, но надежды оказались тщетны. Сначала раздались гудки, похожие на тире из азбуки Морзе, а затем в трубке прозвучал голос приятеля.

– Привет, как дела? Ты куда пропал? Не звонишь, не пишешь.

Сначала он почувствовал искренность, как будто приятель действительно обрадовался звонку. Но по ходу разговора в голосе чувствовалась фальшь. Стало понятно, что они больше никогда не будут разговаривать по душам за кружкой пива, они стали друг другу совершенно чужими. Друг другу... Выражение-то какое, друг...

Все, больше никаких игр, никаких соцсетей. Он добровольно отказывается от этой сладкой паутины. Если им и суждено быть вместе, они будут. Может быть, когда-нибудь они встретятся. А они обязательно встретятся, ведь у них куча общих знакомых, они вращаются в одних и тех же кругах, они просто не могут не встретиться. И вот тогда, на какой-нибудь вечеринке его мечта осуществится. Ничего, он подождет и обязательно дождет этой случайной встречи. А сейчас надо прекращать эти игры. Было только два варианта: продолжать жить с ноющей болью, постоянно подкармливая тролля, или все же раз и навсегда вырвать этот больной зуб. Он выбрал второй путь, боль была резкой и нестерпимой, он был на грани обморока, но он знал – потом будет облегчение.

Посмотрел фильм «Любовь». Победитель Каннского кинофестиваля. История двух пенсионеров. Как же остро там все прочувствовано, хотя сам фильм течет спокойно, как и положено жизни. Он вспомнил, как в детстве этажом ниже умирал пожилой сосед. Умирал от рака. Долго. И все это время мужчина кричал. Кричал от боли. Кричал по ночам. Кричал днем. Но почему-то больного не было жалко, и как ни стыдно признать, не было даже сочувствия. Вернее, сначала оно было – человеку плохо. Но после нескольких месяцев бесконечных криков оно сменилось злостью, хотелось, чтобы он поскорее умер. И хотелось этого не из сострадания, а из-за собственного эгоизма. Эти крики раздражали, они мешали радоваться, они не давали спокойно ни спать, ни есть.

Он замолчал, совсем замолчал, он даже перестал заходить на ее страницу. Это было трудно. Каким-то внутренним чутьем он чувствовал, что от него ждут продолжения истории, от него хотят, чтобы он продолжил писать. Хочет не только она, но и те безмолвные читатели его блога. Главное, не вестись. Да, благодаря плей-листу он теперь в сети постоянно, но это не мешает ему тупо просматривать раз в день ленту и на этом завязывать с паутиной.

Ощущение, что от него чего-то ждут, не отпускало. В ленте он увидел ее новость, это была песня про тишину. Он не хотел ее слушать, она вновь возвращала его в игру, разрывая мозг на части.

Нет, быть знаменитым он однозначно не хотел. И дело

не только в том, что невозможно просто пройтись по улицам или погулять в парке, что кто-нибудь обязательно захочет покопаться в твоём грязном белье. Это как раз не самое страшное. Самое страшное, когда от тебя чего-то ждут. После одной вещи, которая понравилась куче людей и сделала тебя знаменитым, обязательно последует ожидание второй вещи. А ведь у человека для этой вещи может просто не хватить сил или еще того хуже, у него может не оказаться этой второй вещи. Тогда получится диссонанс: от него будут ждать, а он не сможет им дать то, чего от него хотят. Ужасное чувство. Придется либо подстраиваться и выдавливать что-то из себя, либо уходить в тень.

Он чувствовал себя тюбиком зубной пасты, содержимое в котором уже давно закончилось, но на него продолжают давить, потому что постоянно забывают купить новую.

Он опять не выдержал. В конце концов, он же может написать о чем-то несущественном, обезличенно, совсем необязательно выворачиваться наизнанку. Зашел в свой блог. Перечитал, боже, сколько ошибок! Проблема в том, что у него никогда не было черновиков, он всегда писал как пишется, все остальное – работа редакторов и корректоров. Это как в жизни.

Он понял, что повзрослел, когда перестал мечтать вернуться в прошлое. Еще недавно он очень надеялся на изобретение машины времени, которая помогла бы исправить ошибки прошлого, где-то подстелить соломку, где-то выбро-

свить грабли подальше. Казалось, что измени он прошлое, сразу все станет хорошо. Он с отличием окончил бы школу, не бросил университет и много чего еще не было бы или было бы совсем по-другому. Одна проблема: изменив что-то одно, наверняка он в новом сценарии допустил бы новые ошибки, шагнул бы на новые грабли и опять захотел бы вернуться в прошлое для исправления. Теперь же его совсем не интересовали переделки: как есть, так и есть, все пишется сразу на чистовик, исправлять ничего не надо. Гораздо интереснее просто наблюдать, к чему же это все приведет.

От него ждут продолжения истории. В какой-то момент даже заработал радар, подтверждая его ничем не подкрепленное чувство, что она его все-таки любит. Что ж, он сел и написал размышление о свободе. Что в понимании человека свобода? Написал после просмотра очередного турецкого фильма. Как же они отличаются от европейских и азиатских картин. Есть в них что-то такое, что вне Европы и Азии, вне мусульманства и христианства, вне бизнеса и культуры. В фильме главные герои рассуждали о свободе. Один из них сказал, что свобода – это когда тебя ничего не держит. Да, он был согласен. Но тогда получалось, что свобода всего лишь миф. Человек все равно будет зависеть от денег или от доброты людей, которые не дадут пропасть. Современный человек не сможет обойтись без цивилизации, по крайней мере, в этих условиях. Ведь земное притяжение тоже никто не отменял. Чем не ограничивающий свободу фактор? Нет, все-

таки свобода – это когда ты искренне любишь то, что тебя держит: будь то люди, работа или хобби. Да, любой из этих факторов становится своего рода кандалами, но если тебе в них комфортно, то и нафиг тогда эту хваленую свободу.

Ночью она выложила на своей странице стих о свободе. Чужой стих. Хотелось закричать «Не-е-е-т!», кричать громко, кричать до тех пор, пока не лопнут барабанные перепонки. Зачем она с ним это делает, зачем? Зачем взрывает его мозг сомнениями, ведь могла бы просто промолчать, могла бы. Неужели этот стих ему? Если да, то почему она в диалогах так упорно делает вид, что ничего не происходит, выставляя его идиотом? Конечно, после такого он больше не обратится к ней напрямую, она должна понимать, почему он больше никогда этого не сделает. Он будет ждать начала диалога от нее. Любой звонок, любое новое сообщение вселяло надежду: вдруг она? Но каждый раз это был кто-то другой...

А ведь он может просто так, невзначай сказать ей, что придет в Питер на выходные. Просто так, по-дружески написать. По большому счету, какая ему разница, где провести выходные. Может, они просто вместе погуляют, может быть, даже удастся с ней немного поговорить.

*Он:
привет))*

*Она:
привет*

Он:

у меня есть возможность приехать в эти выходные, если хочешь, я приеду

Ушла в офлайн. Вернулась через полтора часа.

Она:

мы уезжаем

Он:

ну, значит, все же Калининград

Он:

я тебя услышал, полечу в Кениг или на Алтай, или на Байкал, хорошо, что у нас такая большая страна

Калининград, Россия

И на фига он сюда приперся? Замки, Куршская коса – все это просто прекрасно, но нужно ли? Он опять втянулся в эту игру. Нет, все-таки точку надо ставить один раз, иначе она превращается в многоточие и имеет уже другой смысл.

У забора сидела собака. Он приблизился к ней, собака вскочила и отбежала, поджав хвост, на трех лапах, одну пес волочил. Почему-то пройти мимо и оставить бродягу без внимания он не мог. Присел на корточки. Собака осталась на месте. Он встал и сделал еще шаг. Собака не сводила с него глаз. Он снова присел на корточки и протянул к ней руку. Собака подошла и понюхала ладонь. Он гладил это бездомное, больное существо и видел, как она щуриться от удовольствия, подставляя подбородок, ухо. А когда он чесал полосу между лбом и носом, пес просто закрыл глаза, он физически ощущал, с каким наслаждением эта безродная психона ловит каждое его движение. Собака не просила есть, ей явно перепали объедки. Собака не просила ее вылечить, хотя на лапе была видна огромная опухоль. Собака не хотела пойти с ним домой. Да и как можно хотеть то, о чем понятия не имеешь? Собака была абсолютно счастлива. Она даже не просила погладить еще, как это делают многие приставучие домашние псы. Он мог бы забрать этого пса с седой бородой и больной лапой, вылечить, отмыть и пристроить в доб-

рые руки. Так сделал бы любой нормальный человек, имеющий сердце и неравнодушный к животным. Но, посмотрев в замуренные глаза, он понял, что все это собаке не нужно. Она счастлива здесь, медленно умирая и перенося лишения, она была абсолютно счастливым существом. Он понял, что клиника, операция, тщательный уход, уютный дом и полная миска убьют ее гораздо быстрее, чем опухоль. Он ушел, собака не побежала за ним, она так и сидела зажмурившись. Казалось, что собаки тоже умеют мурлыкать.

Часть 4

Дома

В его отсутствие ее страница заполнилась какими-то фото, какой-то музыкой. Подойти к ней или начать диалог было страшнее, чем прыгнуть с парашютом. Выбросить ее из головы сложнее, чем бросить курить.

Он вновь написал ей, они вновь поговорили ни о чем. Она ушла в офлайн, он остался, напился и выпалил ей все, что думает.

Он:

Хорошо, что ты сию секунду оф-лайн, очень хорошо, мне так проще. или просто трусость. трусость до конца не оформленная в слова. я стараюсь не думать о тебе, стараюсь постоянно. получается крайне редко. ты мне сегодня снилась, обычный сон, меня там даже не было, я просто наблюдал за тобой. но просыпаться не хотелось совсем. люблю. вот так просто и так нестерпимо сложно. казалось бы, это слово состоит из множества фрагментов: мыслей, событий, каких-то узоров, действий и бездействий. и в то же время слово-то очень простое, простое своей целостностью, своей наготой, искренностью и неприкрытостью.

я думал, хотел, мечтал сказать тебе это слово когда-нибудь при встрече, когда-нибудь, пусть в другой жизни. а почему-то говорю сейчас, хотя прекрасно понимаю, что нужна пауза, что нужно отстраниться. вот только мозг мой сейчас совсем атрофирован и мне плевать на его мнение. знаешь, а мне абсолютно ничего от тебя не надо, даже ответного чувства. конечно, я был бы на седьмом небе, если бы... но если и нет, то это ничего толком во мне не изменит, ну, если только мозг возьмет верх и запретит писать подобные сообщения. странно это все, очень странно. наверное, я недостаточно романтик, не умею писать стихи, совсем, я превратился в циника. последний стих был написан в 14 лет, но я тогда был уверен, что любовь это чушь полная, и меня эта ерунда точно никогда не коснется. и вот спустя столько лет я жалею, что мной не был написан ни один стих о любви.

Он вновь вылил на нее все свои чувства. Ответа не последовало ни на утро, ни через день, ни через неделю. Неужели она не понимает, что этим невероятно выносит мозг. Почему она не может поговорить прямо и откровенно, послать его куда подальше. Думает, что это невежливо и плохо? Но по крайней мере это было бы честно. А эти игры в угадайку и «думай, что хочешь» ранят куда больше, они разрушают, превращая мозг в трясину, ибо отсутствие ответа порождает миллиарды вариаций. Как он мог догадаться, как, если она

все время молчит и сбегает? Она, правда, думает, что это лучше? Да, похоже, она и не подозревает, насколько серьезно все с его стороны, как сильно он ее любит, искренне любит, любую любит, любит, даже понимая, что это когда-нибудь его убьет, что мозг просто взорвется от неизвестности. Ведь давно уже известно, что самое чудовищное испытание – неизвестность. А ведь он честно пытался послать себя на хуй вместо нее. Он уже запрещал себе эти игры и даже сумел не заходить на ее страницу по сотне раз на день. Ведь все это игры для 13-летних подростков. Он дошел до того, что стал бояться проявить себя на ее странице, стал бояться лишней раз лайкнуть. Он лайкал очередную выложенную ею песню, разложенную на строчки, которые, как ему казалось, предназначались ему, а потом отменял лайк. Как глупо, как же это все глупо. А главное, как утихомирить внутри этот атомный взрыв, созданный из отчаяния, надежды, желания забыть ее, перестать играть и недержанием того, чтобы вновь не включиться в игру. Невероятно тяжело. Очень трудно снова проявить свои чувства и еще сложнее удержать их внутри, соблюдая созданные ею правила. Он продолжал мечтать о ней, каждую секунду думал о ней, думал, о чем они будут говорить, когда наконец-то будут вместе, как будут жить. Он перекроил свою жизнь, подсел на цитаты, осел в соцсетях, полюбил Питер и кошек.

Для него была только одна проблема – она не любит собак. Черт, она очень пренебрежительно о них всегда отзывалась,

в ней не было даже капли сожаления, когда она говорила, что бездомных надо убивать. Для нее собаки были либо средоточием зла, либо просто бесполезными существами, отнимающими у тебя время. Это ранило сильнее всего. В какой-то момент он даже пожалел, что завел собаку, ведь она явно помешает их счастью. Он даже пожелал, чтобы его собака умерла, он почти перестал уделять ей время, сводя все до необходимого минимума. Она не любит собак! Но разве идеальная девушка может не любить собак? Вспомнил «Му-Му». В школе вопрос, почему Герасим утопил Му-Му, так и остался без ответа. Теперь он точно знал ответ. Просто бывает, такое нахлынет, что застилает все вокруг, просто не можешь ты по-другому. Он слишком сильно любит ее, слишком сильно, а собака своего рода преграда, ведь во всем остальном они полностью совпадают, прямо как крутящиеся шестеренки одного механизма. Собака сидела перед ним, положив голову на колено. Еще до недавнего времени она была самым родным существом. Нет, стать Герасимом он точно не готов. Но теперь он тщательно следил за речью: чтобы не обмолвиться о собаке, он стал скрывать сам факт существования собаки в его жизни, как будто ее вообще не было. Кажется, ее это устраивало. Оставалось только непонятным, как же они будут жить вместе. И смог бы он выстроить отношения с человеком, из-за которого избавился от другого любимого существа? Впрочем, над этим вопросом он отказался думать уже через долю секунды.

Они сидели в баре с другом. Друг только что ушел от девушки. И он его прекрасно понимал. Все началось с того, что друг перешел на новую работу. Тут же начались скандалы: он не уделяет ей достаточно времени. Она засыпала его смс-ками и сообщениями в соцсетях, доводя до бешенства. Друг ей пытался доказать, что это временно: наверное, он действительно в это верил, боясь себе признаться, что просто не хочет возвращаться домой. Ведь там его с вероятностью 99% ждал бы скандал, или его стали бы пилить, или еще что-то... Некоторые по-другому не могут: если даже уходить с работы вовремя, они все равно найдут, к чему прицепиться. Такая уж порода. Строить отношения с таким человеком себе дороже. А самое удивительное, что такие страдают от этой своей особенности не меньше. Им тоже тяжело, они никак не могут понять, что не бывает все так, как они хотят, что невозможно контролировать все и всех. Но сделать ничего не могут, кулак сам сжимается, давя окружающих и их. Вполне искренняя любовь превращается в удавку, от которой либо сбегают, либо умирают.

Подшли еще двое приятелей. Один из них в упор спросил второго: «Ты кого-нибудь любишь?» Второй начал ерзать и что-то бормотать, официально он был одинок. Его друг любил ставить людей в неловкое положение этим прямым вопросом. А ему нравилось наблюдать за реакцией людей. Было ощущение, что каждый в кого-то влюблен, и совсем необязательно этим кем-то была официальная вторая

половина. Видимо, влюбленность люди испытывают постоянно, но что-то идет не так, и они вынуждены ерзать и смущаться от столь прямого вопроса.

Шел четвертый месяц безумия. Три месяца он выворачивался наизнанку, чтобы угодить ей, влюбить в себя. Четвертый месяц он жил только надеждой, которая, как известно, подыхает последней. Ею оказалась очень живучей. Он был бы рад задушить ее собственными руками, но не мог, это могла сделать только она четким ответом. Поэтому ему оставалось существовать с этой вечно живой сукой. Если бы только великие умы человечества догадались изобрести таблетку от любви, он бы выпил, даже не читая инструкций. Выпил, даже если бы от этой таблетки был миллион побочных эффектов. Но ученые изобрели много всего полезно, но вот до такой таблетки не додумались. Он уже даже начал пить успокоительное, только оно не работало. Совсем не работало, его продолжало рвать на куски. Он по-прежнему очень мало спал и очень редко полноценно ел.

Зашел в музыку, которую ему предлагала соцсеть. Одна песня понравилась, он добавил ее. Добавил просто потому, что понравилась. Но в то же время он был вынужден оглядываться на нее, как она воспримет эту песню в его плей-листе? Ведь там была фраза: «Скажи мне да». Подумал, а если бы не вся эта канитель, он добавил бы себе эту песню? Конечно, добавил бы, ведь ему понравилось. Ответ не заставил себя ждать. Почти тут же появился новый статус на ее странице:

«Хуй, хуй». Ну зашибись, до чего докатились.

Что его привлекло в ней? Наверное, в первую очередь честность. Люди вообще очень много врут. Врут по мелочам и по-крупному. Неужели они не понимают, что их ложь видна, она пахнет, как ничто другое. У нее свой характер, своя мимика, свой запах. Единственную ложь, которую он мог оправдать, это вынужденную. Так бывает, когда человека вынуждают врать. Когда на него так сильно давят, что иного выхода нет.

Человек даже научился воплощать ложь в искусстве. Именно поэтому он не любил позерские фотографии. Когда люди позируют, они перестают быть настоящими. На фото в гламурных журналах с семейством, которое так и излучает счастье, было что-то противно-радужное. Яркие краски резали глаз. Такие яркие краски не могли быть настоящими, серый бытовой цвет существа ими точно не замаскируешь.

А еще люди любят приносить себя в жертву. Это же так приятно: ты отдаешь человеку или работе всего себя, конечно, в ответ хочешь получить то же самое... Не получаешь – как ни странно, радуешься. Это же такой повод для гневного возмущения, такой повод, прокричать, что они идиоты, что ты достоин большего, поплакать, чтобы тебе сказали, что ты гениален, чтобы выдать из кого-то признание в любви.

Еще люди любят работать над собой. Наверное, это правильно. Стремление к совершенству. У совершенства очень заманчивый аромат, он тоже к нему стремился всеми фиб-

рами души, он хотел им пропитаться, порой он четко улавливал этот аромат, четче некуда. Но этот аромат никак не хотел оставаться в нем. Эта была война с собой, в которой он в любом случае проигрывал. Но прекратить эту войну он не мог. Мирные соглашения тут же разрывались, как только он вновь улавливал аромат идеала.

Был ли он романтиком? Безусловно! Другой вопрос, что далеко не всегда. Порой куча дел скапливалась над его головой такой тучей, что она затмевала все то прекрасное, что его успокаивало, чем он искренне наслаждался, о чем любил думать.

От знакомой он узнал, что скоро она будет в Москве. Это вселило надежду, безудержную, как будто в груди поселилась сотня необузданных коней. Ведь именно такой встречи он ждал, совершенно случайной. Встречи, которая позволит ему быть с ней. Ну или быть откровенно посланным на хер, что его тоже бы устроило. Они уже давно не общались прямыми диалогами. Он вдохнул побольше воздуха и спросил, правда ли, что она едет? Она ответила, что да. Хорошо, он будет там же и тогда же. Он попробует еще раз. Вновь дикое отчаяние сменилось надеждой, вновь выросли крылья. Уж теперь-то точно все получится. Ведь она тоже знала, что он там будет. Это их общая тусовка, это их общая встреча, это ИХ встреча. Он больше не облагается, не будет спрашивать, не будет бояться, он прогонит прочь неуверенность, просто подойдет и обнимет ее, обнимет так, что все будет ясно ей,

а главное, ему.

Ночи в ожидании ее приезда. Он больше ничего не спрашивал, он только писал в блоге обо всем подряд. Почти три тысячи молчаливых просмотров. Но в самый последний момент, примерно дня за два до ее приезда, он вдруг начал сомневаться, а стоит ли туда идти. Туда, где будет она. Стоит ли? Сможет ли он еще раз пройти через это? Но все сомнения вырывались как сорняки.

Пришел день X. Он написал ей смс с вопросом, как она доехала, что она делает и обещанием скоро тоже подъехать. Она ответила, что все нормально. Он приехал, но совершенно не знал, как себя вести и как ее найти. Тусовка разбре-лась по огромному полю, где устраивался концерт. Написал смс, что он на месте, ждал ответа. Пару раз позвонил. Все бесполезно. Ответа нет. Все пошло прахом, все планы рух-нули. Он мог только ржать с друзьями, делая вид, что офи-гительно счастлив, и медленно напиваться. Пил он в тот день много, непростительно много. Она появилась внезапно, в тот момент, когда он был уже в состоянии нестояния. Она подо-шла, улыбнулась и поздоровалась. Надо было что-то делать. Но что? Он просто сделал вид, что ее не заметил. Это было самой большой ошибкой в его жизни. А когда она ушла, на-чался форменный дебош. Он рушил все, что подворачива-лось под руку, он послал на хуй всех, даже самых близких друзей. Все равно они бы не смогли понять, насколько силь-но к тому моменту были натянуты струны. Они были натя-

нуты настолько, что играть было невозможно, от малейшего прикосновения они просто рвались. Примерно то же самое с ним происходило сейчас. Он не выдержал, увидел ее и понял, что больше не выдержит, играть дальше просто невозможно, а признаться ей в очередной раз... Очередной укол по самолюбию, удар по самооценке и болезненные попытки восстановиться. Нет, он не мог так больше, надо было куда-то все выплеснуть. Выплеснул на ни в чем не повинную мебель и друзей, которые таким его никогда не видели и вообще не понимали, что происходит, списав все на банальное алкогольное опьянение.

Она уехала. И тут он понял, что натворил. Возможно, это был единственный шанс, а он его так бездарно просрал, точнее пропил. Как можно было так нажраться с момента ожидания ответа на смс или звонка до ее появления. Сколько времени это заняло? Сколько времени ушло с момента отправки смс до ее появления? И сколько же он успел выпить? Впрочем, при хроническом недосыпе и отказе от еды, алкоголя требовалось не так уж и много.

Бывает, когда внутри тебя образовывается черная дыра, пожирающая все твои мысли, чувства, эмоции. Ты уже не можешь плакать, ты чувствуешь только огромную кирпичную стену где-то внутри. Ничто не способно ее разрушить. Лишь изредка вспоминаешь, что человеку иногда необходимо дышать. Чувствуешь каждый вдох и выдох, дыхание становится чем-то вроде соломинки для утопающего. Главное,

не забывать дышать.

Он пропихивал комок из невылитых слез внутрь. Комок упорно не хотел пролезать в горло, стоял там мертвым грузом, мешая дышать. Он был уверен, что потерял все. Потерял из-за собственной тупости и никчемности, потерял, просто потому что напился до скотского состояния. Он никогда еще не чувствовал себя настолько паршиво. Написал ей.

Он:

солнце, если можешь, прости. Мне очень плохо, я даже не смогу описать, просто хочется, чтобы для меня наступил конец света. Я так хотел, чтобы ты приехала. Когда мне сказали, что ты приедешь, я решил не ехать, боялся тебя увидеть, боялся опять не сдержаться и вновь напугать тебя, ты же мне ничего не сказала, сказали совсем другие люди. Я безумно устал не вылезать из твоей страницы, слушать выложенную тобой музыку и гадать, а вдруг все же мне, бояться лайкнуть, и вообще дать о себе знать, долго думать, что выложить на стену и в результате не выкладывать ничего. Потом решил ехать туда, на этот концерт. Было спокойно, и даже какое-то умиротворение вернулось. Мне сказали, где ты останешься ночевать, а что делать с воскресеньем не знаешь. В процессе для храбрости решил накатить. Когда пришли на поле, я отправил смс, я тебя так ждал, но ты не отвечала. Черт, тогда пошла одна банка за другой. Бред, полнейший бред. А потом появилась ты, я

видел, ты мне улыбалась, а меня просто сковало, это какое-то безумие. Я представляю, что ты чувствовала, когда вместо того, чтобы пойти с тобой, я дурил. Я тебя обидел, это самое страшное, что могло со мной произойти за это время, и от этого мне очень плохо

Я так хотел просто быть с тобой на этом концерте, и у меня нет логичного или вообще какого-то объяснения, почему я не пошел с тобой. Не понимаю, как я мог это просрать, я просто не понимаю. Со мной такое впервые, обычно все гораздо легче и так не колбасит. Видимо, совсем мало опыта в этих вопросах. Ты единственный человек на планете, с которым мне хочется быть, это правда, остальные просто напрягают. Прости, ладно, прости, что сделал больно. Я просто debil, полный

Она прочла это и ничего не ответила, а он продолжил.

Он:

Только не молчи, пожалуйста, ответь хоть что-нибудь. Не сразу, потом, но хоть что-то. Твое молчание меня просто убивает. Я просто расскажу тебе о своих страхах. Знаешь, мне показалось, что шанс был, не знаю, казалось, верилось... Мне бы очень этого хотелось, как и второго шанса. Была бы машина времени, вчера было бы совсем другим, в корне другим. Черт, как же плохо... Еще я боюсь твоей ревности, что ты решишь, будто у меня кто-то есть... Мне

так показалось на какое-то время. Но я никогда и никому не изменял, это правда. И хоть мы не вместе, но любой другой человек рядом со мной будет мной считаться как измена, любой, я просто не смогу к себе кого-то подпустить. Когда не колбасило, мог, сейчас нет. Все слишком по-настоящему, и мне очень жаль, что я так облажился, я никогда и ни о чем в жизни так не жалел. Просто для меня все, действительно, по-настоящему, на все 100%.

Она:

привет

вот уж точно, ты меня ничем не обижал. По поводу ситуации на поле, я пришла туда пообщаться-поболтать, смотрю, все своими делами заняты, ну и ушла.

и еще, мне кажется, ты много себе додумываешь и придумываешь того, чего нет.

Максимум что могу тебе предложить – это дружбу.

и да. в общем, я прекрасно понимаю, что ты чувствуешь и думаешь, но извини, совсем ничем не могу помочь

Она понимала, что он думает и чувствует... Понимает... Она отдает себе отчет в том, как на него действуют ее статусы и посты??? И при этом продолжает дергать?

Еще через 15 минут после написанного она выложила песню «Не плачь». Что, опять? Впрочем, куда ему деваться, да, опять. Но хоть так, пусть будет так, хоть какое-то утешение. Но неужели ей самой все это не надоело? Зачем она играет

в эти игры? Зачем?

Взрослая обида отличается от детской. В детстве, если кто-то обижал, то очень хотелось перестать существовать, хотелось, чтобы наступил конец света. Мир казался безжалостным и беспощадным. Взрослая обида не так сильна, ее можно проанализировать, а главное, можно понять обидчика. Но сейчас в гости пожаловала та самая обида из детства. Да, взрослый человек многое может понять. Понять и простить – выражение-то какое тупое. Если ты понимаешь человека, понимаешь его поступки, какая необходимость его прощать? Прощать можно лишь тех, кого не понимаешь. Он все понимал. Простить – это значит, когда тебе кто-то сделал больно, переступить через себя, проглотить адовый комок и продолжить общение. Понять же совсем другое дело. Человек, которого понимаешь, не может сделать больно. Можно понять, почему он сделал именно так. Человека, которого понимаешь, не нужно прощать. Она, как и он, была всего лишь воробушком, которому хотелось казаться орлом. Возможно, в ней комплексов было гораздо больше, чем в нем. Вообще-то комплексы есть у всех, но большинство людей умели их скрывать, она – нет. Наверное, ей кто-то сделал в свое время очень больно. Ее комплексы так и лезли наружу. Ему хотелось подарить ей кольчугу, чтобы та защищала ее от любых обид.

Он начал заниматься персональной выставкой ее картин. Он мог себе позволить организовать для нее выставку. Глав-

ное, чтобы она не поняла, что организовал он. Она была гением, и люди должны были это увидеть. Он сможет, он сумеет так все устроить, что она не догадается. Ей просто предложат выставить свои картины. Здесь, в Москве, взять да и выставить. Люди ее поймут, люди увидят, а он останется в тени. Ведь если он проявит себя, она откажется. Это было бы с его стороны как подкуп, а подкупать ее не хотелось, по крайней мере, не таким способом. Просто у него есть возможности помочь ей.

Прага, Чехия

Он сел на цепочную карусель. В любом парке развлечений он не мог пройти мимо этого аттракциона. Это была такая же традиция, как выкуренная сигарета на набережной в незнакомом городе. Только он сел в кресло и они поехали, как начался ливень. Ледяной ливень. Спрыгнуть он не мог, оставалось только чувствовать, как насквозь промокает каждая нитка его одежды. Он всегда любил дождь и никогда не был против вымокнуть. Но этот дождь был слишком ледяным.

На третий день он возненавидел этот город. Дождь никак не переставал моросить, было холодно и все время хотелось курить. Он вышел в бар при отеле. Там сидел американец, пил пиво, назойливо старался поговорить с барменом, а когда тот ушел в подсобку, набросил свои словесные сети на какого-то русского парня. Парню явно хотелось побыть одному, но американец этого не понимал или не хотел понимать. Он выкурил сигарету, выпил чашку кофе и отправился спать. Наутро, собираясь осмотреть окрестности, он заглянул в бар. Там снова сидел американец и пил пиво. Единственное, что в нем поменялось, это цвет рубашки. Ему стало интересно, что этот американец здесь делает, он сидел в этом баре безвылазно уже третьи сутки, он не гуляет, на туриста не похож, на деловой визит тоже не похоже, американец явно уже давно на пенсии. Неужели он приехал только

для того, чтобы все время пить пиво? Вечером он решил перекусить в ресторанчике напротив отеля. Там в шумной компании он встретил американца. Тот по-прежнему пил пиво.

Дома

Они вновь продолжили игру в статусы. Он вновь писал в блоге о том, что чувствует. Он искренне надеялся, что она его простит. Он искренне надеялся, что не все еще потеряно. Вдруг через полторы недели после дебоша она выложила песню, просто песню. Он проигнорировал. Еще через день появился статус «делай со мной что хочешь». Нет, больше медлить нельзя. Она выложила это в четверг. Он тут же забронировал билет до Питера. Он летит завтра же сразу после работы. Никаких поездов, только самолетом, так быстрее, так будет больше времени. Обратный рейс утром в понедельник, он как раз успеет доехать из аэропорта на работу. У них куча времени, чтобы все выяснить. У него куча времени. Но эти правила игры, эти правила, ничего не говорить прямо. Как сказать ей, что совсем скоро он будет с ней и уж точно не облажается, после произошедшего он не имеет права облажаться. Он просто написал ей номер рейса и время, когда будет в Питере. Она ушла в офлайн. Появилась через несколько часов. Ответом было всего одно слово – «ладно». Ладно, этого было вполне достаточно, чтобы он воспринял это слово как утвердительный ответ. У нее появился статус: «Как же это все трудно». Он тут же повесил у себя ответ: «Пожалуйста, молчи». Она удалила свой статус, он удалил свой. Конечно, ночь он опять не спал, конеч-

но, он опять в голове выстраивал все возможные варианты встречи. При этом пытался убедить свой мозг, что не надо строить воздушные замки, не стоит готовиться к встрече заранее, будь что будет. Но мозг был слишком слаб. Все внутри его кричало: будет, обязательно будет, надо это прекращать, дальше просто невозможно. В конце концов, сколько можно терпеть это безумие.

Сразу после работы он как угорелый рванул к выходу. Аэроэкспресс, Домодедово, покурить перед заходом. Пройти регистрацию. Еще раз покурить. Сходить в туалет, взять кофе. Еще раз покурить, пытаясь заглушить все мысли, пытаясь заткнуть колотящееся сердце. Еще раз покурить. Пройти досмотр, пошататься по киоскам, выискивая ей подарок, про который он почему-то даже не подумал. Купить журнал «Гео». Еще раз покурить. Сесть в зале ожидания, открыть журнал, честно пытаться его почитать. Бешено встать, чтобы пойти покурить. Долго искать курилку. Найти. Понять, что там и курить не надо из-за никотиново-смоляной завесы. Все равно закурить. Сесть обратно, еще раз открыть журнал. Снова убежать курить. Услышать, что объявлена посадка на его рейс. Выкурить еще одну перед посадкой, потому что следующая сигарета будет уже только в Питере. Зайти в накопитель, сесть в автобус, ждать, когда же он, наконец, тронется. Зайти в самолет, найти свое место. Хорошо, что оно у иллюминатора. Уткнуться туда и ждать посадки. Из предложенного ужина выпить только чай. Это ожидание, оно

такое сладостное, их отделяет уже меньше часа.

Часть 5

Санкт-Петербург, Россия

Наш самолет сделал посадку в аэропорту «Пулково». Спасибо, что воспользовались нашей авиакомпанией, наш экипаж прощается с вами и желает всего хорошего.

Он бегом преодолевает все коридоры, оказывается в зале встречающих. Ее нет. Опаздывает? Возможно. Ох уж эти женщины. Может, она на улице? Выбегает. Ее нет. Таксист назойливо предлагает свои услуги. Нет, ему не нужен таксист, ему нужна она. Выкуривает сигарету. Набирает ее номер. Ответа нет. Пишет смс. Ответа нет. Наверное, с ней что-то случилось. Конечно, иначе и быть не может. С ней что-то случилось. Где она, как она? Он поймал себя на мысли, что был бы безумно счастлив, если бы с ней действительно что-то случилось. Лучше бы случилось, но только не сам факт, что она просто не приехала, при этом позволив приехать ему и не объяснив перед этим, что приезжать не стоит. А как она могла это объяснить? Он решил, что приедет и приехал, она же просто написала «ладно». Она же ведь не обещала ничего. Все как обычно. Эта музыка будет вечной. Лучше прямо сейчас взять и обменять билет на ближайший рейс до Москвы. Прямо сейчас. Но он взял такси и попросил отвезти в ка-

кую-нибудь не очень дорогую гостиницу. В принципе он мог позвонить своим питерским друзьям и попросить ночлега у них. Но совершенно никого не хотелось видеть. Совсем никого. Он будет здесь инкогнито.

В гостинице предоставили доступ в Интернет. Он зашел на ее страницу. Два поста от нее. Два поста о том, как ей весело проводить время с друзьями перед телевизором. Прямо сейчас. Она постила это, зная, что он ждет ее в аэропорту. Постила, как будто ничего не произошло.

Такие гостиницы есть в любом городе. Двухместная кровать, какое-то нелепое покрывало сверху, выключенный телевизор, белые занавески, прячущие балкон. Окно, скрывающее осень. Ленивый кондиционер, который в это время года никому не нужен. Стол и два просиженных кресла. Над кроватью картина. Сюрреализм. Силуэт человека, очень тонкий, вокруг невнятный синий круг. Чем-то напоминает «Крик» Мунка. Но это очень дешевая картина, какие сотнями продают на любой пешеходной улице любого города в любой стране. На кресле валяется серый рюкзак. Он, в одежде и кедах, лежит, распластавшись на кровати. Не снял даже потертую кепку. В одежде жарко, черный вязаный свитер прилип к телу от пота. Но встать и раздеться нет сил. На джинсах дурацкий брелок в виде компаса. В руке пистолет. Он не знает ни калибра, ни марки, он вообще не разбирается в оружии. Пистолет серебристый, ледяной, сильный. Он прикладывает дуло к виску, всего одно нажатие... Как в замедлен-

ном сне, пуля разрывает кожу, проникает внутрь, кровавое месиво оказывается на мониторе телевизора. Наконец-то он избавился от суесящихся мыслей, от этого безумства в голове. Жаль, что этот пистолет был только в его мечтах.

Он чувствовал себя собакой, которую поманили сахарной косточкой. Он прибежал, но кость ему не дали, только вертели ею вокруг морды, над головой. Ах, как же он хотел эту косточку, он уже чувствовал во рту ее вкус, облизывался, сглатывал слюну. Он готов был ради косточки на все. С ним играли. Он показал все команды, которые знал, все трюки, он прыгал, лаял, бешено вилял хвостом, подставлял пузо. Он разучил новые трюки. Но потом пришло понимание, что эта игра никогда не прекратится, косточку ему не дадут. Поджав хвост, он поплелся прочь. Но тут послышался голос. Голос просил прощения за столь долгую игру и обещал отдать косточку прямо сейчас, нужно только вернуться за ней. Он послушал, надежда вновь вселилась в его лохматое тело, в глазах вновь появился огонь, а хвост превратился в вентилятор. Он подошел. Но вместо косточки ему отвесили оплеуху. Так сильно нос не болел никогда.

Да, у него не было пистолета, чтобы заглушить эту боль, но ведь есть другие способы. Он подошел к окну и открыл его. Вышел на балкон. Осень. Он сидел на балконе, курил. Прилетел сухой лист. Кажется, сбросил его тополь. Недолго думая он прикоснулся к краешку листа подожженным концом сигареты. Лист не хотел гореть, он только тлел, остав-

ляя вокруг раны от сигареты красные капельки огня, исчезая по краям. Это была игра: одна затяжка – и кончик сигареты вонзается в лист, лист тлеет, но не горит, еще затяжка – и вновь огонь пытается поглотить лист, но не может. Так продолжалось, пока он не выкурил сигарету, а от листа не осталась одна сантиметровая веточка.

Здесь четвертый этаж, «сталинка». Примерно две секунды свободного падения – и все будет кончено. Он встал на подоконник. Что произойдет после его смерти? Поймет ли она, что все из-за нее? Нет, конечно, она не поймет. Ведь формально она абсолютно ничего не сделала, она просто не приехала, просто не отвечала, просто говорила намеками. Официально все в порядке с ее стороны. Она никогда не поймет, насколько своими действиями и бездействием вынесла ему мозг, сломала его окончательно. Он не стоял бы на этом подоконнике сейчас, если бы она просто отправила его на три буквы. Да, после этого было бы тяжело. Но не настолько, как сейчас, когда он понимал, что он всего лишь игрушка в жестокой игре. Как поступить в такой ситуации? Как перестать чувствовать себя идиотом? Да, он был просто идиотом, и в глазах других будет идиотом, потому что только идиот из чужой страны в соцсетях мог придумать себе великую любовь. Только идиот мог так повестись на все это. Ему казалось, что слово «идиот» теперь выбито у него на лбу. Ну и мерзкое же чувство. Зачем она так. Ведь у нее были варианты, как поступить с ним.

Когда его не станет, поймут ли близкие и друзья причину? Ведь эту историю он никому не рассказывал, а она, тем более, никому не расскажет, даже если догадается, что это из-за нее. Нет, друзья никогда не узнают причину того шага с четвертого этажа. Всего лишь две секунды свободного падения. Максимум три. Ноги так приятно свисают с подоконника вниз, ветер обдувает такой приятной прохладной. Ну же, всего один шаг и все будет кончено. Почему пальцы так отчаянно сжимают оконную раму. Они заоченели, и он не в силах ими управлять. О ком говорят окружающие, когда хотят отговорить кого-то от подобного шага? О близких? Да, в фильмах так чаще всего и делают. Но ему было плевать на близких, абсолютно на всех. Нет, это не может его удержать от шага в пропасть. Ведь он сам вынес себе приговор: «Ты – идиот». Это клеймо разлагало все внутри, превратив его в какой-то сухоцвет, не способный ни на что.

Если бы сейчас за спиной появился спасатель и спросил, почему ты хочешь сделать это, что бы он ответил? Несчастливая безответная любовь? Но это не так, дело не в несчастной любви, дело в том, что он просто идиот. И таким идиотам как он, не место в этом мире. Таким идиотам не место в соц-сетях. Такие идиоты воспринимают все слишком близко к сердцу, настолько близко, что готовы совершить последний шаг в своей жизни. Он, будучи идиотом, смог поверить, что в этом мире есть место чему-то настоящему, смог находить в посланиях то, чего никогда не было, ведь она никогда ничего

не обещала, ведь это чистой воды идиотизм.

Неожиданно для себя он слез с подоконника. Нет, он должен был ее увидеть, она обязана прояснить ситуацию и ответить на вопросы, пролить свет, почему она все это сделала с ним. Она просто обязана, и он не отпустит ее, пока все это не случится. Тем более он точно знает, как ее найти.

Заказал в номер пива и какой-то закуски, включил телевизор. Стал щелкать пультом в надежде найти хоть что-то, за что может зацепиться мозг. Не сработало: бездушный ящик сообщал последние новости, показывал сериалы и тупые шоу. Где-то шли фильмы, но и за них не мог зацепиться. Боевик, комедия, снова боевик, какой-то ужастик. Все не то. Он просто напился и уснул, даже не раздевшись.

Утро. Он проснулся очень рано, не было и восьми. Быстро принял душ и отправился бродить. Он хотел вспомнить, где она живет. Знал станцию метро, бродил вокруг по бесконечным дворам-колодцам, но найти нужный адрес так и не смог. Отправился гулять просто так. Долго бродил по питерским лабиринтам, погода изумительная, тепло, очень тепло. Завернул в какую-то подворотню и на стене увидел граффити. Обычные граффити. Но! Он был здесь, был с ней в прошлый свой приезд, она фотографировала эти никчемные надписи. Отправился дальше. Решил, что надо на Финский залив. Сел в метро. Вышел, торговые ряды, палатки, предлагающие всякое барахло. Дошел до залива, попутно свернув в магазин и купив пива и сигареты. Он смотрел на воду, и постепенно

становилось легче. Сначала легче, а потом с какой-то новой волной накатывало чувство полнейшего идиотизма. Пиво он пил очень медленно, зато курил каждые десять минут. Мимо пробежали дети, потом две девушки с собаками. Он не хотел никого видеть, он хотел остаться один. Мысли напоминали какой-то пазл. Но этот пазл был в разобранном состоянии, и собрать его в одну картинку не представлялось возможным, как бы он ни старался. Он мечтал о собственном острове. Там не было бы никого и ничего. Только камни, холодное северное море вокруг, немногочисленная трава и птицы. Его остров был бы таким же пустынным, как птичий остров посреди Атлантики в Норвегии. Он бы бродил по берегу, ежась от ледяных соленых капель, которые заставляют кожу краснеть и грубеть. Но это чувство очень приятное. Какими же приятными могут быть брызги северного моря в лицо.

Он подумал о слепых и о глухих. Что выбрал бы он, если бы вдруг ему предоставили такой выбор? Безусловно, оставить слух. Он мог бы смириться со слепотой, но смириться с отсутствием музыки и других звуков он бы не смог. Подумал о слепоглухонемых, ведь есть и такие. Попытался представить, каково это, жить только тактильными ощущениями? Один из них однажды сказал: «Если начнется третья мировая, я просто не замечу». Это было страшно. Страшно не потому, что ты ничего не видишь и не слышишь, а потому, что у тебя нет ничего, кроме самого себя, кроме пугающей бездны под названием Я. Однажды он был в камере сенсорной

депривации. Небольшая ванна, с очень соленой водой, температура которой соответствует человеческой. Это создает ощущение невесомости. Туда не проникают свет и звуки. Со всем. Ты висишь в этом пространстве и даже не можешь понять, открыты у тебя сейчас глаза или нет. Это небольшой шанс почувствовать себя слепоглухонемым, когда твой мозг предоставлен сам себе. Но даже тогда он понимал, что все это временно. Может быть, поэтому такое присутствие себя в себе не пугало. Но жить так постоянно... Выдержал бы он?

Он просидел на берегу Финского залива четыре часа. С бутылкой пива, двумя пачками сигарет и тараканами в голове. Захотелось есть. Надо было поесть, он опять не мог вспомнить, когда последний раз нормально ел. Поехал в центр, зашел в какое-то подвальное кафе. Приглушенный свет, удобные диваны, отсутствие людей. То что надо. Выбрал из меню рыбу и заказал пива. С пивом было покончено очень быстро, а вот запихнуть в себя всю еду он так и не смог.

Вернулся в гостиницу, завтра до 12:00 ему надо выехать, а самолет только в восемь утра. Было абсолютно непонятно, чем занять себя на всю ночь и где ее провести. Не мог же он почти сутки шататься по городу. Или мог?

Вечером он будет ждать ее возле работы. Он точно знал, что она там появится. Все-таки в соцсетях есть что-то полезное. Пришел пораньше. Увидел ее, она попыталась ускользнуть, он не дал ей, крепко обняв.

– Ты меня преследуешь?

– Нет.

– Что тебе надо?

– Поговорить.

– У меня встреча, меня ждут.

Она отошла и стала кому-то названивать. Он вновь почувствовал себя жутким идиотом, но отступить было некуда, да и не хотелось. Нет, он не уйдет, пока она все не объяснит или хотя бы не пошлет его куда подальше.

Сколько страха в ее глазах, он никогда не видел такого жуткого страха в человеческих глазах. Казалось, что она упадет в обморок. Она не знала, куда деваться. Спрятаться за статусы или исчезнуть в офлайн уже не получится. Она ничего не могла сделать, а он просто смотрел. Смотрел в эти глаза, полные ужаса. Этот ужас, этот страх и были ее подлинным существом. Больше там не было ничего. Этот страх был бесконечен, как черная дыра, он поглотил ее всю. Он не давал ей жить, он не давал ей дышать, он не давал ей чувствовать. Он давал ей лишь возможность питаться чувствами других, дергая за нужные ниточки, вызывая эмоции.

Она встретилась с двумя подругами, они сели в кафе. Он сел рядом. Его никто не прогонял, но каким же ничтожеством он себя чувствовал. Мило щебетали о том, о сем. Она боязливо поддакивала. Он в основном молчал, хотя чувствовал, что она ждет от него поддержки разговора. Без проблем, это никогда не было для него проблемой. Но сейчас он выбрал молчаливое потягивание пива. Этот ее страх и жуткая

неуверенность, он ощущал их почти физически. Самое дурацкое в этой ситуации было то, что ее страх и неуверенность оказались жутко заразными. Он подхватил этот вирус, который разросся внутри какой-то невероятной дрожью, абсолютно не свойственной ему. Скорее бы на самолет, но он в восемь утра, а на часах нет еще и двух.

Вскоре они стали расходиться. Она отправилась по направлению к дому, он не отступал. Ведь наедине она наверняка повела бы себя более искренне или согласилась бы поговорить. Зашли к ней. Она села за компьютер, на экране страница социальной сети. Он сел на подоконник и продолжал попивать пиво. Предложил посмотреть фильм. Она отказалась. Спросил, чем же займемся? В ответ молчание. Ситуация хуже некуда. Он достал из рюкзака книгу с цитатами. Зачитал ей одну из них. В ответ – молчание. Ну и дерьмо. Почему-то такой исход в своей голове он не прокрутил. Спросил точный адрес. Она назвала. Позвонил в такси и вызвал машину на пять утра. Хотелось поскорее уехать. Зря он сюда притащился, совершенно зря. Прошел примерно час. Он встал, сказал, что пойдет гулять. Она кивнула. Он вышел. Шлялся по пустому ночному Питеру с бутылкой пива. Эти подворотни были словно из фильмов про постапокалипсис. Ни одной живой души, ни одного открытого заведения, а ведь он где-то в центре.

Пять утра. Он вернулся к ее дому, чтобы сесть в такси и уехать в аэропорт. Домчались моментально, как потратить

оставшееся до взлета время, он не знал. Сел на бордюр рядом с входом. Начинался рассвет. Как же это было красиво. Как же безумно красиво смотрятся серебристые самолеты на фоне этих утренних красок. Включил в плеере Цоя «Пачка сигарет», закурил. Зашел в аэропорт, купил в автомате кофе и вернулся на бордюр. Прошло еще немного времени. Сразу с самолета ему предстоит ехать на работу, он столько времени не спал, как он справится? Сел в самолет. Его место у иллюминатора. Он всегда старался выбрать место у окна, желательно в середине, чтобы были видны крылья. Он любил летать. Он мог прилететь к черту на кулички только для того, чтобы выпить чашку кофе и полететь обратно. Сейчас рядом с ним сидела чета японцев. Он почему-то точно знал, что они из Японии, хотя никогда не отличал азиатские национальности. Взлет, самолет сначала бешено свистит, дрожит, потом вдруг эта трясучка исчезает, и начинается новый этап аттракциона. Прекрасный рассвет, прекрасные облака, внизу очертания Питера. Над Питером утренний туман, он еле различим.

– Вы будете завтракать?

Господи, да ведь он же уснул. Наконец-то он уснул, он так давно об этом мечтал! Так какого же черта его разбудили?! Неужели стюардесса действительно верит, что делает благо, будоража спящего пассажира?! И ради чего?! Ради сморщенного круассана?!

Он попросил кофе. Теперь он четко чувствовал послед-

ствия бессонных ночей. Сердце билось, в голове шумело. Чашка кофе помогла, но сможет ли он еще раз заснуть? Нет, время до посадки так и прошло в мечтах опять вырубиться. Ну ничего, у него еще полчаса в аэроэкспрессе.

Дома

Выход из самолета, втискивание в переполненный автобус, аэропорт. Бегом на выход, чтобы покурить. Несколько затяжек – и сигарета летит в пепельницу, рассыпаясь на искры. В Москве жарко. Вновь вход в аэропорт. Опять рюкзак на ленту для досмотра. Телефон и ключи на стол, сам в рамку. Эту процедуру он проходил уже миллион раз. Теперь на поезд. У него есть полчаса, чтобы поспать. Рядом с ним сел какой-то навязчивый тип. Он сидел у окна и всем своим видом показывал, что спит. Но типу было плевать на это. Сначала тип спросил, на какой вокзал они прибывают. Потом рассказал, что вообще-то он тут в командировке. Мысленно он засунул этому типу кляп в рот. Но тот все не унимался, рассказывал о своей работе, о своем городе, о предстоящей жизни в гостинице, о своей дочери и жене, с которой развелся, потом о любимом шансоне и футболе.

Зачем она с ним так? Он всегда считал себя сильным человеком, может, именно поэтому поступить с ним так было проще? Сделать больно сильному человеку всегда проще, чем слабому. Ты знаешь, сильный выдержит, а перед слабым тебе становится стыдно, боишься, что он не выдержит. Поэтому сильные люди чаще получают плетью, чаще ходят со шрамами.

Но вот, наконец-то, вокзал. Очередь в метро выстроилась

еще на улице. Что-то случилось? Ан нет, он всего лишь попал в час пик. Это жуткое время, когда ты вынужден смешиваться с кем-то абсолютно чуждым тебе. Вы ненавидите друг друга, но не можете никуда деться. У него нет билета. Тут же ходят спекулянты, которые предлагают не стоять в кассу, а купить билет у них, правда, втридорога. Он вспомнил, что еще несколько часов назад был в абсолютно пустом Питере. Этот контраст невыносим. Он вылез из толпы и отправился на поиски такси. Естественно, цену с вокзала ему вlepили мама не горюй, но он согласился. Жуткие пробки, жарко, нестерпимо жарко. Конечно, в машине у бомбилы нет кондиционера. Но он все готов стерпеть, лишь бы они ехали молча и без арабской музыки, впрочем, от шансона его бы тоже вырвало. Видимо, водитель понял, что клиент не в духе, включил радио «Джаз» и всю дорогу не проронил ни слова. Его это вполне устраивало. На работу он опоздал. Жутко опоздал, он не думал, что будет толкаться на дорогах почти два часа. На работе почти никого, все в отпусках. Самое большое желание – помыться. Или хотя бы почистить зубы.

Как он выдержал этот день, для него осталось загадкой. Вернулся домой. Там вновь мозг снесло потоком мыслей. Ему было жаль ее. Хотелось помочь. Он увидел эту черноту и пустоту внутри, хотелось выдернуть ее оттуда. Он простил бы все, только бы она смогла хоть немного помочь ему и сделала шаг навстречу.

Наверняка, ей можно помочь. Его любовь должна стать

своего рода живой водой для нее. Ведь на самом деле быть искренним совсем нетрудно, ведь человеку совсем необязательно сидеть в этой черной дыре, ведь за ее пределами есть столько всего, надо лишь вынуть голову из песка и посмотреть на то, что есть вокруг. Он ей поможет, у него хватит сил, чтобы выдернуть ее из этой бездны.

Он мог многое дать. Единственное, что он хотел, чтобы на него не давили, чтобы не пытались переделать. Он прекрасно понимал, что несовершенен. Ему нужен был тот, кто не побоится полететь следом, полететь рядом. Только такому человеку он бы показал свои просторы, отдал бы весь космос. Но почему-то люди боятся и высоты, и глубины. А на меньшее он не согласился бы. Поэтому и был одинок. Даже тогда, когда жил с кем-то, спал с кем-то и просто веселился. А еще он ненавидел ложь и манипулирование. Объяснить и понять можно все. Зачем нужны эти маски? Тем более что прекрасно видно – это маска.

Еще спустя день он зашел в свой блог. Почти пять тысяч просмотров... Вопрос, кто же эти люди, оставался открытым. Он больше не притворялся, что не понимает, читает ли она это. Он больше не думал о своих читателях. Писал ей напрямую. Просил у нее прощения за свой визит, за то, что так грубо вломился. Ему действительно было стыдно. В ответ на своей странице она ответила, что во всем виновата луна. Да, в ту ночь, когда они последний раз были вместе, если это можно так назвать, было полнолуние. Но это утвер-

ждение его несколько ошарашило. При чем здесь луна?!

Он написал, что проведет отпуск, который будет уже через неделю, в Питере. Будет каждый вечер на четыре часа приходить на Финский залив на то место, где они когда-то вместе сидели, и если она когда-нибудь созреет, то сможет найти его. А если нет, то он точно найдет, чем заняться в отпуске.

Наконец-то он посмотрел фильм «Реквием по мечте». Он очень давно хотел его посмотреть, в его плей-листе были все саундтреки из этого фильма. Но на сам фильм все время не находилось времени. Почему-то ему было очень стыдно признать, что он не смотрел этот фильм. Он боялся, что другие будут подтрунивать и считать его лохом. Люди любят мерить других исключительно рамками своего опыта.

Вдруг он понял, что многие боятся к нему подойти, потому что он выглядит слишком колючим. А он не мог объяснить, что на самом деле колючки бутафорские, и он их не использует. Больше всего на свете он ценил тех, кто мог рискнуть и подойти ближе. Тот человек четко понимал, что колючки лишь иллюзия.

Лег спать. Ему опять не спалось. Мысли бешено вертелись, но теперь с точностью до наоборот. Он понял, что она никогда не позвонит, не напишет, не придет. Единственное, на что она способна, – молчаливый унижительный игнор, заставляющий чувствовать себя полным крегином. Это делалось лишь для того, чтобы возвыситься над человеком, да-

вая понять другим, что они недостойное ничтожество, она ловила кайф, чувствовала преимущество.. Он увидел сильного, могущественного тролля. Тролля, не способного на настоящие эмоции. Единственное, на что способен тролль, – вызывать эмоции у других, чтобы питаться ими, пожирать, пытаясь так заглушить пустоту внутри. Жуткую черную дыру. Внутри она была всего лишь пустышкой. Тролль может быть преуспевающим в профессии, вообще довольно популярным. Но эта пугающая внутренняя пустота выдает его с потрохами. Вот только разглядеть ее очень сложно. Она покрыта слоем чужих мыслей, чувств, эмоций. Он не сможет ее спасти. Ведь любые попытки спасения были бы равны продолжению игры, а значит, стали бы очередным кормом для тролля. Его не хватит, чтобы заполнить эту дыру, никого не хватит, не хватит даже всего человечества. Надо было как можно быстрее вырываться из этой паутины, бежать сломя голову и никогда не оборачиваться. Это был единственный путь к спасению. К спасению себя, ведь ей помочь просто невозможно. Теперь он четко видел разницу между помочь и позволить на себе паразитировать. От паразитов надо избавляться. Они не дают ничего. Да, он понимал: при избавлении от этого паразита не избежать жесткой интоксикации. Возможно, эта интоксикация даже убьет его. Но по-другому у него вообще шансов не было.

Он встал, включил компьютер и удалил запись о намерении провести отпуск в Питере. Так, одну ниточку удалось

порвать. Но сколько их еще? Где гарантия, что он выдержит и больше не поведется на эти уловки, что больше не станет кормить тролля? Он и сам не мог дать этой гарантии.

Утро. Стандартное рабочее утро. Он не удержался, решил еще раз поговорить с ней.

Он:

что-то уж совсем пиздец какой-то переполненный. Это все слишком круто даже для меня, хотя я люблю приключения. Короче, я понятия не имею, что делать дальше

Она:

я тем более не знаю, что тебе делать дальше

Он:

договорились. Я мог бы тебе многое дать, но раз тебе не надо, как хочешь. Оставайся в своей виртуальной жопе, я ничем не могу тебе помочь. Очень сочувствую человеку, который в тебя влюбится, тебе могу пожелать только счастья

Она:

думаю, ты все себе придумал, и даже если нет – то извини. у меня нет кнопки нажав на которую я бы полюбила тебя.

жопы? Хм

После этого его заблокировали. Как же это резануло. За что? За что его заблокировали, удалив предварительно из

друзей? Вселенская несправедливость навалилась всей своей массой. Но вместе с этим резанувшим пришло окончательное прозрение. Она написала: «ты все себе придумал, и даже если нет – то извини». Эта фраза подтвердила его правоту. Больше он не сомневался – с ним жестоко поиграли. Настолько жестоко, насколько это вообще возможно. Он чуть не переступил порог, чуть не распрощался с жизнью из-за этой безумной игры. Было больно, нестерпимо больно, но приходилось признать: он жертва. Но напоследок он не сдержался, зашел в свой блог: он от себя никак не ожидал – из него полилось такое дерьмо! Он открыто называл ее троллем, мешающим жить другим. Он высказал ей все. Он знал, что она это читает, не могла не прочитать. Читала по-крысятнически, из-за угла, в очередной раз боясь выйти. Ну и пусть. Он сорвался, рвал и метал, столько агрессии, столько злобы. Ведь этого всего можно было избежать, если бы она просто отправила его на три буквы, не дергая каждый раз за невидимые ниточки. Каждое его слово, каждая строчка была пропитана такой ненавистью, на которую вообще мало кто способен. Он и сам не ожидал от себя такой ненависти. Но что было еще более странным – стыда не было. Обычно, когда он срывался на бывшую жену, на коллег или еще кого-то, он потом просто сгорал от стыда, просил прощения. Но здесь не было и толики стыда. Он смешал ее с грязью. В этот момент он был готов убить ее. На ее счастье, в качестве оружия были только слова. Как ни странно, два лайка и даже один

коммент. Одобрительный коммент. Хотя кто-то появился в этом безумном монологе.

Были ли они действительно похожи? Нет, конечно же, нет. Он причинял боль многим, но ему всегда хватало смелости послать человека прямо, пусть прикрывая это такой банально-детской причиной «не сошлись характерами», но он никогда не давал пустых надежд. Наверное, это было главной отличительной чертой.

Ялта, Украина

Это был замечательный концерт. Его любимая группа. Это как волшебство. Вокалистка своим голосом проникала куда-то внутрь, куда он почти никого не впускал, она копошилась там, находила потайные струны и дергала без пощады. Странно, но закрываться не хотелось совершенно. Хотелось вывернуться наизнанку, хотелось показать всему миру то, что было внутри. А ведь это всего лишь концерт. Причем не самый лучший этой группы. Зал самый отстойный из всех, которые он видел, звук тоже подкачал. Тем не менее, именно этот концерт в провинциальном городке он запомнит на всю жизнь. Наверное, знаменитые люди тем и знамениты, что способны показать свое нутро, способны проявиться мясом наружу. Это трудно, это невероятно трудно, но люди любят обнаженку. Любят. Как физическую, так и духовную. Может быть, люди завидуют таланту, успеху и прочему, не понимая, насколько это трудно пойти по такому пути, пойти по пути, на котором ты отказываешься от масок, отказываешься притворяться.

Дома

Он залег на дно. Попросил админа сайта удалить его аккаунт. Почти семь тысяч просмотров. Да кто же вы, черт вас возьми? Он удалил всю музыку, которая была навязана ему, он вспомнил, что вообще-то не любит Питер, он вспомнил, как много для него значит собака, обнимал ее и просил прощения за это предательство. Он удалил каждое слово, каждую запятую, посвященную ей. Его страница опять была почти пуста. Ну и ладно.

Чувство, оно ведь как щенок. Это что-то живое, настоящее и совершенно беззащитное. Ты его даришь. Одни способны вырастить из этого щенка что-то большое и сильное. Другие отказываются. И это правильно: если щенок не нужен, от него лучше отказаться. А кто-то берет этого щенка, херачит его об стены, ломает лапы, выкалывает глаза. Щенок скулит, пытается убежать и даже огрызается. Но хозяин из-за своей какой-то ущербности этого не видит и не понимает. Продолжает потрошить его, ведь так интересно посмотреть, что там внутри. Интересно посмотреть, как поведет себя щенок, если его прикормить, а потом отрезать ухо. Очень интересно, только щенок почему-то сдох. Просто взял да и помер. От простуды, наверное.

Конечно, как и прежде, он регулярно заходил на ее страницу, хотя она была недоступна для него. При каждом таком

заходе в душе вновь вспыхивал огонь из обиды и ненависти. Любовь? Нет, этого не было совсем. Просто хотелось до нее достучаться, передать всю ту боль, которую она причиняет людям. Нет, он не стал ее блокировать. Он позволил продолжать ей ползать по его странице в поисках «нечто». Да, написать хотелось многое, но он молчал. Теперь он сам превратился в молчаливый игнор. Игнор по отношению к игнору.

Прошел месяц. Он съездил в отпуск. Случайный секс. Станный он, секс по пьяни. И кайфа никакого и на утро стремно. Единственное желание – пойти быстрее помыться. Нашел себе девушку, провел с ней около недели. Но ей он четко обозначил: питать иллюзии и надеяться на долгосрочные отношения с ним не стоит. Прямо в лоб и сказал. Он был в скафандре и снимать его не собирался. Девушка поняла. Она тоже оказалась раненой. Так и трахались они в скафандрах. Зато без обид, зато без боли. Она не лезла к нему, он не лез к ней, на тот момент эти отношения были идеальными. А когда пришло время, спокойно разбежались в разные стороны с перекрестка, на котором встретились волей судьбы. Наверное, проще и правильней было бы снять проститутку.

В очередной раз зашел на ее страницу. Прошло уже около двух месяцев. Удивился, его разблокировали. Висел статус «синхронизирую». Она что, правда, думает, что он вновь вступит в эту игру? Неужели ко всему прочему она настолько глупа? Она, правда, верила, что он ей ответит? Хоть как-то? Он молчал, тщательно соблюдая политику игнора. Те-

перь ему забавно было наблюдать за всеми этими статусами «удиви меня», «толкай меня на любовь», «откуда в тебе столько силы?» и прочей ахинеей. После его очередного поста, который он написал от балды, она удалила страницу. Он вновь что-то написал, совершенно не адресованное ей, от нее последовал статус «а нет, показалось». Милая, конечно, показалось. Игр больше нет, ты одна участвуешь в этом мозгобстве. Нравится дрочить – дрочи. Но он не будет принимать в этом участия.

И вдруг ему стало хорошо и спокойно. Он едет в маршрутке. Как же он любил эти спокойные минуты. Пробок нет, на улице темнеет или уже совсем темно. Он сидит у окна. Поразительно спокоен, все бури и ураганы внутри куда-то исчезают или просто испаряются. Вот именно этот момент и есть абсолютное счастье. Когда тебе абсолютно хорошо. Абсолютно ничего не надо, даже организм затихает. Ему не хочется ни есть, ни пить, ни в туалет. И даже мыслей никаких нет.

На ее страницу он заходил максимум раз в неделю. После миллиона посещений в день он даже не заметил, как это произошло. Заходил без всяких чувств. Не осталось даже ненависти и обиды. Позже они встретились. Как обычно, в общей тусовке. Он был со своей нынешней девушкой. Не екнуло ничего, совершенно. Да, он опять почувствовал ее внутреннюю дрожь, но теперь она не могла ничего с ним сделать. Ему было абсолютно фиолетово. Такое долгожданное, такое

желанное чувство. Оказывается, фиолетовый хищник может принести благо.

Встреча на даче у общих знакомых. Всем было легко и непринужденно. Люди пили пиво, курили и обсуждали всякую ерунду. В компании оказалась она. Его потянуло к ней так сильно, как ни к кому. Он был уверен, что она именно та, кого он так долго ждал, что только с ней он был готов разделить свою жизнь. Но было только одно «но» – этот знакомый, хоть и зарубцевавшийся, запах желания самоутвердиться за счет других, эта заразная неуверенность в себе, эта внутренняя дрожь. Было одно очень большое «но» – он видел перед собой тролля...